

Т.А. Чанкаева

# ЭВОЛЮЦИЯ КАРАЦАЕВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

ПРОБЛЕМАТИКА  
ПОЭТИКА  
МЕЖЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ



**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ  
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

***Т.А. Чанкаева***

**ЭВОЛЮЦИЯ КАРАЧАЕВСКОЙ  
ЛИТЕРАТУРЫ:  
ПРОБЛЕМАТИКА. ПОЭТИКА.  
МЕЖЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ**

**Москва – Ставрополь  
2004**

ББК 83.3 (2 Рос-Кара)

Ч 18

УДК 82.0

Печатается по решению редакционно-издательского совета Московского педагогического государственного университета

**Чанкаева Т.А.**

**ЭВОЛЮЦИЯ КАРАЧАЕВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ПРОБЛЕМАТИКА. ПОЭТИКА. МЕЖЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ.**

Монография. Часть первая, книга 1. – М.: Прометей; Ставрополь: СГПИ, 2004. – 96 с.

В монографии рассматривается карачаевская литература в её эволюции. В первой части анализируются мифо-фольклорные истоки, литературные традиции, межлитературные связи, жанрово-тематическое разнообразие и художественные особенности поэзии.

Работа содержит обширный историко-литературный и архивный материал. Исследование предназначено преподавателям и студентам, а также широкому кругу читателей.

*Научный редактор:* **В.А. Лазарев**, доктор филологических наук, профессор МПГУ

*Рецензенты:*

**Ч. Г. Гусейнов**, доктор филологических наук, профессор

**В.А. Агеносов**, доктор филологических наук, профессор МПГУ

ISBN 5-7042-0931-9

© М.: Прометей

© СГПИ

© Т. Чанкаева, текст, 2004

## ВВЕДЕНИЕ

Одна из молодых северокавказских литератур – карачаевская литература – представляет собой специфическую модель истории литератур с насильственно прерванным развитием. Эта новописьменная литература, только набравшая первую высоту, более чем на десятилетие была остановлена. Ее хотели уничтожить, но она выстояла, вышла из трагической ситуации, возродилась, успешно развивалась в 50–60-е годы и последующие десятилетия XX века.

Национальная литература вызревает на почве самобытной истории, духовной культуры народа. Художественная структура ее тесно связана с мифом, фольклорным и религиозным сознанием, менталитетом, другими культурами, их влиянием – всем тем, что составляет ее духовно-культурную основу. Воздействие на нее русской культуры помогло ускорить развитие литературы.

Карачаевская литература рассматривается в общем контексте литературного развития на Северном Кавказе на основе имманентных закономерностей литературного процесса и в связи с особенностями исторической судьбы репрессированного народа.

В книге особое место уделено научному освещению принципов возникновения и обретения художественного опыта не только карачаевской, но и в ряде случаев и других северокавказских литератур, тем самым подчеркивается, что становление национальной художественности, основные тенденции проблемно-тематического, жанрового, эстетического формирования национальной литературы неотделимы от процессов и закономерностей, общих для новописьменных литератур. Однако в любом отдельном случае каждая национальная литература в своей эволюции имеет свои особенности и, стремясь к взаимосвязи с другими литературами, действует по неизменному принципу, говоря словами А.Н. Веселовского, «встречного течения». В итоге создается «культурное поле» и взаимоотяготение между его составляющими.

Изучение проблем становления и развития карачаевской литературы рассматривается на основе принципов системного подхода к изучению отдельной литературы в ее эволюции, в связи с выявлением общих закономерностей и

направлением ее развития, а также с проблемой национального своеобразия, традиций и новаторства, национального языка, с изображением горского колорита, обрядов и обычаев в художественных произведениях. Это, несомненно, будет способствовать лучшему пониманию общих закономерностей развития литературного процесса в целом и при этом национального своеобразия конкретной литературы.

Один из аспектов изучения взаимодействия национальных литератур связан с выявлением объективно-исторических и идейно-эстетических закономерностей, характеризующих зарождение и развитие каждой национальной литературы в отдельности. В этой связи на примере истории карачаевской литературы определяется ряд особенностей, с которыми нужно считаться при определении истории новописьменных литератур северокавказского региона, при характеристике их исторического формирования и духовно-художественного опыта.

Проблемы и аспекты карачаевской литературы и фольклора рассматривались в исследованиях А. Караевой «О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа» (Черкесск, 1961), ее же «Становление карачаевской литературы» (Черкесск, 1963), «Очерк истории карачаевской литературы» (М., 1966), «О военной прозе в современной карачаевской литературе» (Черкесск, 1971), «Обретение художественности» (М., 1979); а также П. Балтина «Из истории карачаевской поэзии» (Черкесск, 1961); Л. Егоровой «Изучение фольклора народов Карачаево-Черкесии» (Черкесск, 1968); Ф. Урусбиевой «Карачаево-балкарский фольклор» (Черкесск, 1979); А. Алиевой, Л. Бекизовой, Р. Ортабаевой «Роль фольклора в формировании духовной жизни народа» (Черкесск, 1986). Особое значение имеет книга А. Караевой «Очерк истории карачаевской литературы». Имеются труды, посвященные отдельным писателям: Н. Кагиевой «Халимат Байрамукова. Очерк творчества» (Черкесск, 1966); ее же «Судьба страны – твоя судьба» /Очерк творчества об О. Хубиеве/ (Черкесск, 1973); Р. Ортабаевой «Азрет Уртенов» (Черкесск, 1971); Р. Касаевой «Певец мужества» /Об Иссе Каракотове/ (Черкесск, 1974); М. Хабичева «Касбот Кочкаров – старейшина народных певцов» (Черкесск, 1986); З. Караевой «Художественный мир Исмаила Семенова» (М., 1997); Т. Чанкаевой

«Азамат Суюнчев. Очерк творчества» (М., 1998) или жанрам: работы М. Хубиева «Карачаево-балкарские песни советского периода» (Черкесск, 1969); Н. Байрамуковой «Поэзия и условная поэтика» (Ставрополь, 1973); С. Акачиевой «Карачаевский роман. Становление и развитие жанра» (Черкесск, 1980).

Однако изучение историко-культурного и идейно-эстетического уровней карачаевской литературы недостаточно. Кроме того, необходимо учитывать достижения в области взаимосвязей и взаимодействий национальных литератур. За последние десятилетия накопилось много материалов, в том числе архивных, ранее не доступных, которые представляют значительный научный интерес. Проблема расширяется в научном отношении, и перед литературоведением стоит задача осмысления истории зарождения и эволюции, традиций и взаимосвязей литератур на многочисленных конкретных примерах.

В первых научно-критических работах, естественно, нет и не могло быть исследования периода депортации, хотя вырвать из истории литературы этот трагический момент нельзя. Только в последнее время появились работы, правда, не литературного, а исторического характера: «Так это было. Национальные репрессии в СССР в 1919-1952 гг.» в 3-х т. Составитель С. Алиева (М., 1993), «Карачаевцы. Выселение и возвращение 1943-1957» (Черкесск, 1993), К. Чомаев «Наказанный народ» (Черкесск, 1993), Р. Куштерев «Насилие» (Черкесск, 1993), Р. Тебуев «Депортация карачаевцев: документы рассказывают» (Черкесск, 1997), А. Койчубев «Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941-1945» (Ростов-на-Дону, 1998) и др. Эти работы, бесспорно, помогут восполнить недостающие звенья. Попытку освещения этого периода мы находим в докладах конференций «Репрессированные народы: история и современность» (Карачаевск, 1994; 2003), где прозвучали темы, связанные с желанием начать изучение этого этапа. И все же ряд талантливых писателей, по ряду причин выпавших из поля зрения литературоведов, еще не нашли должного научного освещения. Только в последнее время наметились тенденции возвращения в литературу незаслуженно забытых имен и восстановления объективной

картины развития литературы. Сошлемся в этой связи на исследования З. Караевой «Художественный мир Исмаила Семенова» (М., 1997), Б. Берберова «Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии». Автореф. дисс. ...канд. филол. наук (Нальчик, 2003). Но, конечно же, задача ликвидации белых пятен в истории карачаевской литературы этим не исчерпывается.

В данной монографии объектом исследования является история становления, возрождения и развития карачаевской литературы. Особый акцент делается на 1920-1960 гг. Этот период весьма репрезентативен для раскрытия эволюции новописьменной литературы, а в 60-е годы литература не только возродилась, но и наметила пути развития и вышла на всесоюзную арену.

Объект нашего исследования ограничен поэзией и прозой, эволюция которых наиболее характерна для молодых литератур Северного Кавказа. Карачаевская драматургия (пьесы Г. Гебенова, А.-К. Батчаева, Х. Байрамуковой и др.)<sup>1</sup> в 20-60-е гг. стимулировала общее развитие карачаевской литературы, но не достигла заметного художественного уровня, чтобы обогатить картину эволюционных процессов в литературе в целом.

В рамках рассматриваемого периода по хронологическому принципу выделяется несколько этапов. Первый этап – 20-40-е годы – связан со становлением карачаевской художественной литературы. К 40-м годам сформировались поэзия, проза и драматургия, определились основные жанры и были созданы значительные произведения. Карачаевской литературе, только что набравшей силы, был нанесен серьезный урон. Ведь в 1937 году необоснованно были объявлены «врагами народа» и репрессированы У. Алиев, Х. Аппаев, И. Хубиев, И. Акбаев, А. Хасанов, А. Уртенев, А. Биджиев. Уцелели лишь А. Уртенев и А. Биджиев, находившиеся в заключении до середины 50-х годов.

Кроме того, национальная литература понесла невосполнимую утрату в годы Великой Отечественной войны. На полях сражений на разных фронтах пали смертью храбрых

---

<sup>1</sup> Подр. см.: Борлаков Б. Карачаевская довоенная драматургия. – Черкесск, 1975.

ведущие карачаевские поэты И. Каракотов, Д. Байкулов, Х. Бостанов и молодые Т. Борлаков, М. Урусов. Еще одна трагедия постигла карачаевский народ и его литературу. В связи с ликвидацией Карачаевской автономной области и выселением карачаевского народа в Казахстан и Киргизию, установлением режима резервации, ограничения гражданских прав, была отменена письменность на родном языке, все книги учебной и художественной литературы были уничтожены<sup>1</sup>. Практически с 1943 по 1957 год литературный процесс был остановлен. Но все эти невзгоды не могли окончательно лишить карачаевский народ его духовной культуры. Только в наши дни к читателям приходят «песни изгнания», дневниковые записи, неопубликованные статьи, выражающие подспудное развитие карачаевской культуры. И это позволяет выделить специальный раздел: «Литература военных лет и депортации».

Новизна предлагаемого читателю исследования в том, что впервые предпринято системное рассмотрение эволюции карачаевской литературы во взаимодействии с русской и северокавказскими литературами. Творчество ведущих представителей карачаевской поэзии (И. Каракотов, А. Уртенев, Д. Байкулов, И. Семенов, М. Урусов, О. Хубиев, Х. Байрамукова, А. Суюнчев, А. Семенов, Н. Хубиев и др.), прозы (Х. Аппаев, О. Хубиев, М. Батчаев, М. Хубиев и др.) рассматривается в общем контексте с учетом вклада каждого художника в эволюцию карачаевской литературы как в идейно-тематическом, так и в жанрово-стилевом планах. Наша задача облегчена тем, что о творчестве Османа Хубиева и Халимат Байрамуковой – крупнейших представителей карачаевской литературы – уже имеются хорошо знакомые читателю и получившие положительную оценку критики очерки творчества Н. Кагиевой, нами учтены также монографии Р. Ортабаевой об А. Уртеневе и Р. Касаевой об И. Каракотове. Это позволяет нам, давая довольно подробную общую характеристику литературного процесса, выделить творчество О. Хубиева и Х. Байрамуковой, уделить большее внимание персоналиям Х. Аппаеву – на первом

<sup>1</sup> Некоторые из них не сохранились даже в спецархивах, а только в архивах О. Хубиева, А. Малышева, А. Суюнчева и др.

этапе, а на втором – А. Суюнчеву, Н. Хубиеву, М. Батчаеву. В хронологических рамках изучаемого периода прослеживается путь становления художественно-документальных жанров, лирической новеллы, сатиры.

Книга написана на основе архивного, неизвестного и малоизвестного историко-литературного материала, очерпнутого нами из личных архивов писателей О. Хубиева, Н. Хубиева, А. Суюнчева и др., из журнальной и газетной периодики. Мы опирались также на личные беседы с писателями К. Кулиевым, Х. Байрамуковой, Д. Кубановым, М. Хубиевым, О. Хубиевым, А. Суюнчевым, А. Семеновым, Н. Хубиевым, А. Малышевым и др.

Современная интерпретация карачаевского литературного процесса прямым образом связана с введением в научный оборот целого ряда неисследованных и малоисследованных фактов, архивного материала, которые позволяют вернуть незаслуженно забытые имена (А. Блимготов, А. Кочкаров, А. Хасанов и др.). Впервые введена в научный оборот повесть карачаевского писателя А. Блимготова «Махамет и карабин» (1934). То, что в карачаевском литературоведении об этом произведении нет упоминаний, связано с тем, что А. Блимготов, автор первой карачаевской повести, участник Великой Отечественной войны, после войны эмигрировал в Турцию, там он и умер, а в советские времена этого было достаточно, чтобы вычеркнуть писателя из литературы. В данном исследовании дан тематический и поэтический анализ альманахов и сборников 1936, 1939, 1940, 1941, 1956, 1957 годов, которые ранее не были объектом литературоведческого анализа.

В работе анализируется неизученный этап историко-литературного процесса – возвращенная литература периода депортации: песни-плачи, песни протеста и надежды, собранные и опубликованные только в 1991 году<sup>1</sup>, художественные произведения разных лет, до сих пор не опубликованные и хранящиеся в архивах писателей, а также не переведенные на русский язык и поэтому мало востребованные литературоведами и критиками.

Научной новизной монографии определяется и круг воп-

---

<sup>1</sup> «А из наших глаз капала кровь» /Песни-плачи/. – Черкесск, 1991.

росов, связанных с исследованием роли межнационального духовно-культурного взаимодействия в ускоренном становлении карачаевской литературы, в углубленном изучении русско-карачаевских литературных связей, непосредственных контактов писателей, в типологических сопоставлениях с литературами Северного Кавказа, а также с такими проблемами, как художественный перевод, двуязычие. «Двуязычие – не узкая литературная проблема. Это проблема общекультурная, – писал В.Р. Щербина. – Она всегда перерастает в идеологическую и политическую»<sup>1</sup>. Проблема двуязычия как «норма языковой жизни» (Г. Гамзатов) и тесно связанные с ней вопросы поэтики, авторского и художественного перевода рассматриваются в работе в связи с особенностями исторического, социального и культурного развития карачаевского народа.

Мы поставили перед собой цель – показать эволюцию карачаевской литературы начиная с периода ее становления в 1920-е гг., искусственно прерванного в годы депортации, достижений конца 50-60-х годов и ее дальнейшее развитие, уделяя внимание следующим задачам: определить ведущие тенденции, истоки карачаевской литературы на основе традиций карачаево-балкарского фольклора; выявить ее связи и взаимодействия с литературами Северного Кавказа и русской литературой; рассмотреть вопросы двуязычия, художественного перевода, автоперевода в непосредственной связи с особенностями исторического, социального и культурного развития карачаевского народа; исследовать на отдельных образцах карачаевской поэзии, прозы, публицистики проблемно-содержательные, жанрово-стилевые и поэтические особенности, проследить художественную эволюцию ведущих карачаевских писателей. Карачаевская литература, как любая национальная литература, имеет свой неповторимый колорит и рассматривается в проблемно-тематическом и поэтическом аспектах.

Методологической и теоретической основой исследования являются труды известных ученых: А. Веселовского, М. Бахтина, М. Алексева, В. Жирмунского, Н. Конрада,

---

<sup>1</sup> Щербина В.Р. Проблемы советской литературы и мировой художественный процесс. – М., 1972. – С.37.

А. Лосева, Д. Лихачева, А. Бушмина, И. Неупокоевой и др. Важную роль в формировании концепции работы сыграли выводы исследователей современного многонационального литературного процесса: Г. Ломидзе, Л. Арутюнова, Н. Надъярных, Ч. Гусейнова, Г. Гамзатова, К. Султанова, Л. Егоровой и др. по общим проблемам российской многонациональной литературы, а также учтен опыт изучения литератур Северного Кавказа С. Алиевой, Л. Бекизовой, З. Толгурова, К. Шаззо, Ю. Тхагазитова, А. Мусукаевой, Х. Хапсирокова, Х. Бакова, В. Тугова, П. Чекалова и других (работы карачаевских литературоведов указаны выше).

# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

## СТАНОВЛЕНИЕ КАРАЧАЕВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (20-40-е гг.)

### Глава первая. ИСТОКИ. ТРАДИЦИИ. СВЯЗИ

#### 1. Фольклорные истоки

Первобытный миф, архаический ритуал и фольклор представляют собой духовно-культурную основу всех культур автохтонных народов Кавказа. Фольклорная общность во многом «предопределила единый художественный процесс кавказских литератур»<sup>1</sup>. Как бы ни был краток начальный этап развития отдельных новописьменных литератур, он всегда связан с обращением к традициям национального фольклора, которые проявляются в сюжетном построении, в манере повествования, во множестве народно-юмористических сказовых элементов и другого фольклорного материала.

В литературах народов Северного Кавказа «фольклорный строй» был одним из важных компонентов, который обусловил близость самого их образного мышления. В то же время типологическое родство устно-поэтического творчества северокавказских народов никак не мешает проявлению самобытности фольклора того или иного народа. Эта фольклорная самобытность обязательно должна проявиться в художественном произведении, ибо искусство каждого народа, по образному выражению Кайсына Кулиева, «говорит языком всей земли». Одна из важных научных проблем – обоснование роли устного народного творчества как главного живительного источника, «крыла» для взлета национальной литературы. Задача исследования фольклора, по словам Г. Гамзатова, состоит в том, чтобы «выявлять закономерности переработки и основания его традиций в литературе и искусстве в их поступательном движении»<sup>2</sup>.

Карачаевская литература возникла на основе богатого

---

<sup>1</sup> Далгат У.Б. О некоторых особенностях развития национальных литератур // Филологические науки. – 1969. – № 6. – С.15.

<sup>2</sup> Гамзатов Г. Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. Типология и своеобразие художественного опыта. – М., 1982. – С.53.

карачаево-балкарского фольклора. О его жанровом, тематическом и эстетическом многообразии можно судить по первым публикациям XIX века<sup>1</sup>, по сборникам 1940 года<sup>2</sup>, изданиям второй половины 50-х годов и последующих десятилетий XX века<sup>3</sup>. Особо важную роль в формировании молодой литературы играл национальный фольклор как основа и исток письменной литературы<sup>4</sup>. В своей эволюции карачаевская литература имеет как общие черты с северокавказскими литературами, так и свои особенности<sup>5</sup>.

Типологическая общность у литератур Северного Кавказа, сложная по структуре, объединяет литературы разных типов языков – тюркские, иберийско-кавказские и т.д. Возникают как бы межгрупповые общности языков и литератур. Как их рассматривает Д. Дюришин применительно к

---

<sup>1</sup> Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 1. – Тифлис, 1881; Алейников М. Карачаевские сказания. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 3. – Тифлис, 1883; Дьячков-Тарасов А.Н. Заметки о Карачае. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 25. – Тифлис, 1888 и др.

<sup>2</sup> Карачаевский фольклор. – Микоян-Шахар, 1940; Старинные карачаевские песни. – Микоян-Шахар, 1940.

<sup>3</sup> Карачаевские и балкарские народные сказки. – Фрунзе, 1957; Балкарская народная лирика. – Нальчик, 1959; Карачаевские сказки. – Черкесск, 1963; Алиев С. Карачаевские пословицы. – Черкесск, 1963; Ортабаева Р. Карачаево-балкарские народные песни. – Черкесск, 1977; Карачаево-балкарский фольклор. Нартские сказания, легенды, новеллы, сказки. Составитель Р. Ортабаева. – Черкесск, 1986; Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М., 1994 и др.

<sup>4</sup> Караева А. О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. – Черкесск, 1961; Караева А. Становление карачаевской литературы. – Черкесск, 1963; Егорова Л.П. Изучение фольклора народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1968; Хубиев М. Карачаево-балкарские песни советского периода. – Черкесск, 1969; Урусбиева Ф. Карачаево-балкарский фольклор. – Черкесск, 1979 и др.

<sup>5</sup> Караева А. Очерк истории карачаевской литературы. – М., 1966; Бекизова Л.А. От богатырского эпоса к роману. – Черкесск, 1974; Алиева А.И., Бекизова Л.А., Ортабаева Р.А.-К. Роль фольклора в формировании духовной жизни народа. – Черкесск, 1986; Далгат У. Литература и фольклор. – М., 1981 и др.

европейским литературам, эти литературные общности определяются не только родством языков, но и самих истоков (первобытный миф, архаический ритуал и т.д.) культуры северокавказских народов. Именно это и заставляет начать исследование письменной карачаевской литературы с мифа и ритуала<sup>1</sup>.

Историко-национальные трансформации мифа определяют его формирование и бытование. Русские и зарубежные исследователи (А.Ф. Лосев, Е.М. Мелетинский, О.М. Фрейдберг, К.Г. Юнг и др.) определили, что миф возникает на самых ранних этапах развития человечества. Миф как форма мировосприятия, выражает «глубинную суть души»<sup>2</sup>. Мифомышлением объясняются «тайны и феномены действительности»<sup>3</sup>. Миф органически связан с ритуалом и нередко выступает в качестве его словесного выражения. Из ритуала и мифа рождаются обычай, норма поведения, общения, народная «философия жизни», определяемые природными условиями (Л.Н. Гумилев). Ритуальная жизнь народа, их космогонические представления, религиозная обрядность связаны с глубинными пластами традиционного мировоззрения. Миф, ритуал, обряд и религиозные представления народа как части традиционной культуры народов составляют «единое религиозно-обрядовое пространство»<sup>4</sup>. По мнению В.Н. Топорова, «...центр мира, отмечаемый разными символами центра – мировой осью... многочисленными вариантами мирового дерева (дерево жизни, небесное дерево, дерево предела, шаманское дерево и т.п.), другими сакральными объектами (мировая гора, башня, врата (арка), столп, трон, камень, алтарь, очаг и т.п.), все то, что кратчайшим путем и надежнейшим образом связывает землю и человека с небом и творцом...»<sup>5</sup>

<sup>1</sup> Дюмизиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М., 1976; Тхагазитов Ю.М. Духовно-культурные основы кабардинской литературы. – Нальчик, 1994, Каракетов М.Д. Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. – М., 1995 и др.

<sup>2</sup> Юнг К. Архетип и символ. – М., 1991. – С. 99.

<sup>3</sup> Телегин С.М. Философия мифа. – М., 1994. – С.5.

<sup>4</sup> Каракетов М.Д. Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. – С.21.

<sup>5</sup> Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал фольклорных и раннелитературных памятников. – М., 1980. – С.13.

Мифология дает возможность проследить возникновение и развитие национальных представлений человека о происхождении окружающего мира. История карачаевцев мифологизируется, и поэтический космос как бы воссоздается синтезом основных природных стихий земли (гора, ущелье, равнина), огня (гроза, солнце), воды (река), воздуха (тучи, облака), а также такими мифологемами, как дерево, трава, цветок. Четыре стихии природы являются главными: земля, огонь, вода, воздух – из них состоит мир. Эти стихии были олицетворены в образах быков. День и ночь на мифопоэтическом языке выражались в образах двух бьющихся между собой баранов – белого и черного. Мифологические представления о модели мира имеют важное значение в познании народного мировоззрения.

В мифопонимании народа родина – это земля, где человек родился и вырос, сакральное пространство, откуда открывается вселенная, мироздание, частью которого он является. Возникшая в первобытном мире и воссоздаваемая в архаическом ритуале мифологема земли, проходя через разные стадии развития земледельческой культуры, в народном мышлении воспринимается как природная стихия, источник плодородия, кормилица, почва.

Космос карачаевцев и балкарцев выстраивается от сакрального пространства родной земли к центру «национального образа мира» – величественной двуглавой вершине Эльбрус (Минги Тау). Горы занимают особое место в культуре горского народа, являясь его духовным ориентиром. Сакрализация гор связана с культом камня у горцев. Гора – модель мироздания, обиталище богов.

Огонь в представлении жителей горного Кавказа «связывался с солнцем»<sup>1</sup>. А грозная молния сжигает землю, и в то же время огонь, как солнце, дарит жизнь и дает силу плодородия. Мифологема огня генетически связана с солярным мифом. Огонь считался символом жизни и самым чистым существом, поэтому в него запрещалось плевать, бросать мусор в очаг, который топился только чистыми дровами. У карачаевцев существовал культ очага и надочажной цепи. Сажу с надочажной цепи клали в воду, собранную

<sup>1</sup> Голан А. Миф и символ. – М., 1993. – С.22.

из девяти родников, и это считалось лекарством от ряда болезней. Очаг, как и у всех горцев Кавказа, это самое святое, почитаемое место в доме, здесь собирались родственники, гости, совершались обряды.

Мифологема природной стихии – вода. Вода, река, вспененная ключами, играет особую роль как «ключа жизни», живительной влаги. Вода и земля – дружественные стихии. Ветер в народных представлениях – символ природных стихий, и его воспринимали как живое. Считалось, что если бросить в него нож, то на нем останутся капли крови.

Космос представляет собой гигантское дерево – Золотую Иву (Алтын Тал). Когда рождается человек, на дереве вырастает листок; когда он умирает, листок падает с дерева. В мифах существуют космические полярности: восток (царство богов) – запад (мир злых духов и мертвых), правое – левое, высокое – низкое, жизнь – смерть, день – ночь, человеческие, социально-бытовые (мужчина – женщина, мы – чужие) и религиозно-философские (бог – дьявол).

Душа в мифе всегда воспринимается как нечто самостоятельное. Она способна покидать спящего человека и пускаться в странствия, или герой хранит ее отдельно от себя в коробке, сосуде. Воздействие на нее приводит к гибели героя. По языческим представлениям, второе имя человека защищало от злого духа. Религиозные взгляды карачаевцев связаны с обрядово-культурной жизнью народа, его архаическими представлениями.

Верховное божество в мифологии карачаевцев и балкарцев – Тейри. «Высшее божество – небо в древних тюркских текстах характеризуется как невидимое и не участвующее в повседневных обыденных событиях жизни человека»<sup>1</sup>. Никакое событие не могло произойти без ведома и воли бога неба, никто не смел без его согласия что-либо предпринимать или ослушаться. Согласно поздней мифу о сотворении мира, Тейри создал мир из своей плоти, вдохнул в живые существа свою душу.

Одно из главных божеств в карачаево-балкарской мифологии – Апсаты – бог охоты, покровитель диких животных.

<sup>1</sup> Стеблева И.В. К реконструкции древне-тюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. – М., 1972. – С.214.

Существовали охотничьи обрядовые песни с просьбами к Апсаты (Авсати, Апсат), чтобы он послал охотнику. Апсаты обитает на вершинах гор, оттуда следит за охотниками, чтобы они умеренно истребляли зверей (об этом песня «Бийнегер»). Бог скотоводства Аймуш изображался то в образе златорогого белого барана, то в образе чабана. Аймуш сопоставим с адыгским покровителем овец – Емишь (Аймыш). Представление о покровителе скота отразилось в сказке «Аймуш».

Элия (в христианстве Илья), Чоппа, Шибла<sup>1</sup> – почитались в мифологии богами молнии, грозы, грома – все считались грозовыми божествами. Богом земледелия был Эрирей<sup>2</sup>, в его честь была сложена песня «Эрирей», которую пели во время молотбы. Покровителю крупного рогатого скота – божеству Долай посвятили песню «Долай», ее пели при взбивании масла. Покровителем плодородия считался Алтын Хардар (золотой Хардар). Перед весенней пахотой проводили праздник, посвященный Хардару (изобилие), и он представлялся в виде золотого барана. Участок земли имел своего незримого хозяина – джер ийеси<sup>3</sup>. В реке жила «Мать воды» – Суу анасы, мужское ее дополнение – Суу атасы. Признание материальности души становится проявлением одухотворения окружающего мира (анимизм), наделяния живых и неживых явлений духовной сущностью. Частным проявлением анимизма можно считать фетишизм – поклонение неодушевленному предмету (дереву, камню). Так, например, кусочки от Священного камня Карачая клали под углы строящегося дома, в сундуки. В мифах человек стремится к гармонии с окружающим миром. Одухотворенная природа проецируется в мифах на конкретные образы духов природы: злых и добрых. Дух природы может жить в доме и питаться человеческой пищей, действует он

<sup>1</sup> Подр. см.: Каракотов М.Д. Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. Малкондуев Х.Х. Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик, 1990.

<sup>2</sup> Подр. см.: Лайпанов Х.О. К истории карачаевцев и балкарцев. – Черкесск, 1957. – С.31-35.

<sup>3</sup> Чурсин Г.Ф. Культ земли у кавказских народов // Бюллетень Кавказского историко-археологического института. – Тифлис, 1929. – № 6. – С.18-19.

не постоянно, а только днем или ночью, в определенное время года. Покровительница дома юй ийеси (хозяйка дома) – представлялась женщиной.

Среди персонажей – еще ряд мифологических чудовищ<sup>1</sup>. Мифическим существом является лесной человек (агъач киши). Он сильный, огромный. Страшным демоническим существом был алмасты, мифически хозяин дома, домовый, переносное – колдун (у других тюркских народов – албасты, альбасты, алмыс). Они делятся на женщин и мужчин, но больше фигурируют как женщины. Описывают их как безобразных, с длинными до пят волосами, без всякой одежды.

Дух обур схожа с кабардинской удэ и русской ведьмой. Обур вредит людям, может быть оборотнем – превращаться в кошку, собаку, волка и прочее, летать на лопате или венике. В мифологии известно чудовище – Джелмауз – кровожадная и сильная людоедка со стальными зубами. Существует легенда, что она была разорвана на части крылатыми собаками. Встречаются и великаны Деу – страшные и могучие существа с длинными кривыми когтями, которые обычно охраняют волшебное дерево или сокровище.

В карачаево-балкарской мифологии самые известные чудовища – уродливые великаны эмегены, обросшие шерстью, тупоголовые и прожорливые. Они едят человеческое мясо, умеют разговаривать, пасут скот. Эмегены в эпосе – враги нартов, нарты ведут с ними борьбу.

Культ животных сохранился в преданиях. Сакральным животным является конь. Излюбленным персонажем мифов и легенд был олень. Олень – символ добра и счастья, предсказатель будущей опасности. Отсюда сохранился обычай прибивать на стенах дома олени рога для счастья семьи. По народному представлению, волк – злейший враг злых духов, враждебных человеку, и в доме, где висит волчья шкура, черти не появляются. Встретить на пути волка считалось хорошей приметой. Почитаемым животным была собака, но собаку, которая начинала выть возле дома, прогоняли, считая, что она предвещает смерть.

---

<sup>1</sup> Джуртубаев М.Ч. Духовная культура карачаево-балкарского народа; Мезиев И.М., Джуртубаев М.Ч. История и духовная культура карачаево-балкарского народа // Эльбрус. – № 1. – С.127-128.

Мифологическое сознание у народа выразилось и в цикле обрядов и жертвоприношений. Магическим способом охраны скота от сглаза, от волков и т.д. сопутствовали обязательные жертвоприношения – курманлыкъ – торжество с угощением. Гадание на бараньей лопатке связано с древними народными мифопредставлениями. Во время сенокоса значительную роль играл ряженный (акъсакъал или теке). Корни обычая вызывания дождя лежат в старинных магических обрядах, когда обливают друг друга водой и купают в воде наряженного осла. Наряду с этим прибегали к чтению молитв над камушками, которые опускали в воду.

У карачаевцев и балкарцев существовал сходный обычай – посещать больного, развлекая песнями и танцами, шумом как бы отгоняя болезнь; совершались обряды: выставляли на кольях забора конские черепа, чтобы охранить двор от «дурного глаза», или опускали в воду подвешенный на веревочке конский череп, символизирующий солнце, чтобы прекратить засуху; при первом весеннем громе обливали друг друга водой, чтобы хорошо взошли травы и посевы, кроме того, зажигали костры и прыгали через них<sup>1</sup>. Мифы связаны с ритуальной жизнью и оставили заметный след в воззрении народа.

Мифология карачаевцев сохранила следы глубокого архаизма и дает представление о религиозно-мифологическом мировоззрении, культовых обрядах. Опираясь на канонические элементы мифа, можно определить некоторые черты эволюции художественного мышления народа. На следующей стадии развития культуры духовно-нравственным истоком ее станет фольклор, собственно карачаево-балкарский.

Фольклор – летопись истории. В устном народном творчестве отражены думы и чаяния народа, его менталитет: представления об обществе и человеке, любовь к Родине и своему народу, трудолюбие, честность, гостеприимство, мужество. Фольклор горцев глубоко демократичен и содер-

---

<sup>1</sup> Сысоев М. Карачай: – Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1912. – Вып. 43. – С.75-79.; Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х гг. XIX в. // Кавказский этнографический сб. – Т. 4. – М., 1966. – С.55-120.

жит в себе то, что проверено жизненным опытом, правдиво и точно выражает глубину народной мысли, его жизненную философию, «фольклору совершенно чужд пессимизм»<sup>1</sup>.

В сказаниях, заговорах, поверьях, обрядах, передающих народные традиции, отразилась этническая общность, близость материальной и духовной культуры горцев Северного Кавказа. По данным исследователя В.П. Невской, впервые записи фольклора горцев Северного Кавказа были сделаны во второй половине XIX века. Так, в 80-е годы XIX в. нартские сказания были записаны и опубликованы просветителем С. Урусбиевым. Тексты карачаевского фольклора были собраны и выпущены учителями М.А. Алейниковым, А.Д. Дьячковым-Тарасовым, Н.И. Кириченко<sup>2</sup>.

Фольклорное наследие карачаевцев и балкарцев велико и многообразно. О богатстве и своеобразии говорит обилие жанров. Это нартские сказания (нарт таурухла), сказки (таурухла), легенды (бурун хапарла), новеллы (хапарла), песни (джырла), пословицы и поговорки (нарт сезле), загадки (эл берген джомакъла энберле), притчи и др.<sup>3</sup>

Наиболее существенное влияние на карачаевскую литературу оказали такие фольклорные жанры, как героический эпос «Нарты», а также песни, сказки, пословицы, поговорки, легенды, предания, хапары, алгъыши. Эпос «Нарты» – памятник устного народного творчества, исторические корни древней культурной общности народов Кавказа, народного мировоззрения. Первые упоминания о нартах как о героях народных сказаний мы находим в этнографических изданиях Российской Академии наук 40-х годов XIX века. В 80-е годы академик В.Ф. Миллер научно обосновал существование нартских сказаний<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Горький М. О литературе. 3-е изд. – М. – С.45.

<sup>2</sup> Невская В.П. Карачай в пореформенный период. – Ставрополь, 1964. – С.209-210.

<sup>3</sup> См.: Балкаро-карачаевские нартские сказания. Сост. А.З. Холаев. – Нальчик, 1966; Карачаево-балкарский фольклор. Сост. Р. Ортабаева. – Черкесск, 1987; Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. Сост. Р. Ортабаева, Т. Хаджиева, А. Холаев. – М., 1994 и др.

<sup>4</sup> Миллер В.Ф. Кавказские сказания о циклопах // Сб. материалов по этнографии. Вып. 1. – М., 1885; Миллер В.Ф. Кавказско-русские параллели // Этнографическое обозрение, кн. IX, X. – 1881.

Как отмечает Е.И. Крупнов: «Нартский героический эпос народов Кавказа является высшим проявлением духовной культуры древнего аборигенного населения Кавказского перешейка»<sup>1</sup>. В разной форме в нем нашли отражение особенности общественной жизни, бытового уклада и идеологии многих кавказских обществ. Исследователи нартского эпоса В.И. Абаев, А.П. Семенов, Е.И. Крупнов и другие относят время возникновения нартского эпоса к VII в. до н. э.<sup>2</sup> Это подтверждает и археолог Е.П. Алексеева<sup>3</sup>.

С.-А. Урусбиев писал, что нартские сказания горских племен Кавказа, «переходя из уст одного поколения к другому, претерпевали некоторые изменения в частности, но ни у одного из этих племен не сохранилось преданий, восходящих к более отдаленным временам, чем эти. Карачаевцы и балкарцы – древнейший народ Кавказа. Истоки их истории неразрывно и тесно связаны с историей и культурой как многих кавказских народов, так и многочисленных тюркских народов»<sup>4</sup>. С XIV – XV вв. балкарцы и карачаевцы стали постепенно обособляться территориально, но во всем остальном – это единый народ. «Историко-культурное наследие карачаево-балкарского народа, – отмечал И.М. Мизиев, – вобрало в себя много из культуры кавказских народов и всего тюркского мира»<sup>5</sup>.

Эпос «Нарты» существует у многих народов Кавказа. Версии эпоса каждого народа самобытны и формируются в со-

---

<sup>1</sup> Крупнов Е.И. О времени формирования ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – М., 1969. – С.15.

<sup>2</sup> Абаев В.И. Нартский эпос. // Известия Северо-Осетинского НИИ, Т. 10. Вып. 1. – Дзауджикау, 1945. – С.117; Семенов А.П. Нартский эпос и памятники материальной культуры // Нартский эпос. – Дзауджикау, 1949. – С.89-99; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960. – С.373.

<sup>3</sup> Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. – М., 1971.

<sup>4</sup> Урусбиев С.-А. Сказания о нартских богатырях – татар-горцев Пятигорского округа Терской области. – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1881. – Вып. 1. – Отд. 2. – С.1.

<sup>5</sup> Подр. см.: Мизиев И.М., Джуртаев М.Н. История и духовная культура карачаево-балкарского народа // Минги Тау /Эльбрус/. – 1994. – № 1.

ответствии с его видением, менталитетом. «Нартиаду» следует рассматривать в диалектическом единстве всех ее вариантов, карачаево-балкарский соприкасается с эпосом осетин, адыгов, абхазов, абазин<sup>1</sup>. И небольшие расхождения национальных версий – в художественной системе, форме, поэтике.

«Сказания о нартах... имеют мифологическую подоснову, вместе с тем они в обобщенно-художественной, нередко фантастической форме рисуют картину исторического прошлого создавших его народов»<sup>2</sup>. У карачаевцев и балкарцев, как и у других народов – носителей Нартиады, они составляют большие и малые циклы. В каждом – группа небольших по объему легенд и песен о появлении на земле нартского племени, о различных этапах и событиях жизни героев (рождение, детство богатырей, первый подвиг, женитьба, борьба с мифическими чудовищами и т.д.). Малые циклы складываются из сказаний и песен о нартских героях, с именами которых связано небольшое количество сюжетов.

Семантика эпических произведений, обилие мифологических элементов позволяют говорить об архаичности эпоса. «Нарты» – это память народа, формирование и закрепление горского менталитета. Земля в «Нартах» предстает бескрайней, лишенной сакрального центра, а мировая гора, как ипостась мирового древа, «ось мира», отнесена на границу земли горцев, превращая центр и периферию в сакральное пространство этноса. В этой пространственной трансформации заключена особенность их космоса. Центральным действующим лицом эпоса является солнце, оно имеет человеческий облик, свойства слышать, понимать, исполнять просьбу. Большую активность проявляют дочери (сыновей у солнца в эпосе нет).

Существует мифологема нартов, великанов. Во многих легендах и песнях эпоса «Нарты» мы встречаемся с мотивами, известными в мировой мифологии. Нарт Сосурка (Со-

---

<sup>1</sup> Караева А.И., Студенецкая Е.Н. Фольклор. Карачаевцы //Историко-этнографический очерк.– Черкесск, 1978.

<sup>2</sup> Инал-Ипа Ш.Д. Исторические корни древней культурной общности кавказских народов // Сказание о нартах – эпос народов Кавказа. – М., 1969. – С.51.

сруко, Сосрук) смело вступает в борьбу с великаном (эмегеном, иныжем) и добывает огонь для людей. Это Дебет (Тлеш), образ кузнеца, Нэсрэн, вступающий в бой с богом; это Батраз, побеждающий смерть и освобождающий Нэсрэна, прикованного к горе, и другие. Эти образы типологически близки античному образу Прометея. Мотив уязвимого места на неуязвимом теле есть и в эпосе «Нарты» у Сосурка. Герои эпоса имеют обычно простые человеческие имена, их действия совершаются в подлинных местностях – что свидетельствует о нарастании реалистичности.

Значительное место в эпосе карачаевцев и балкарцев занимают сказания, посвященные нартскому кузнецу Дебету, его сыну Алаугану и внуку Карашауаю. Согласно сказаниям, он родился от священного брака неба и земли и является не только первым нартом, но и первым кузнецом и оружейником. Алауган женился на дочери эмегенши и привез ее в страну нартов, но она пожирает своих и чужих детей. Алауган во время ее очередных родов выкрадывает ребенка и прячет его в ледниках Эльбруса, где он и вырастает, вскормленный его ледяными сосульками, поэтому Карашауай такой выносливый. Под стать ему и конь. Специфическая особенность эпоса – подробное описание быстрого бега коня, богатырских скачек, клятвы коня и всадника, испытания ими друг друга и т.д. Конь наделен в сказаниях и магическими свойствами. Карашауай ведет непримиримую борьбу с эмегенами и драконом. Герой идеализируется. Он отважен, ловок и в то же время скромнен, верен своему слову. Он обладает даром предвидения, перевоплощения. К имени Карашауая в эпосе прикреплен и мотив Орфея.

Центральное место в системе образов занимает Ёрюзмек и Сатанай. Здесь Ёрюзмек предстает не только как «вождь, муж и старец»<sup>1</sup>, но и как могучий богатырь, нартский воин. Его жена Сатанай занимает исключительное место в нартском обществе. Ее муж без ее совета и благословения ничего не делает. По версии данного эпоса, Солнце – отец Сатанай, Луна – ее мать. Светящееся тело Сатанай – это не просто условность, ее образ связан с соляным происхождением героини. Помимо культа матери-прародительницы в ее об-

---

<sup>1</sup> Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М., 1976. – С.51.

разе прослеживается культ астральной богини предков, связанной с их соляными и лунарными мифами. В ее образах нашли отражение и их представления о матери-земле. В разных версиях она может перевоплощаться в иной образ, владеет магией слова, учит гадать и т.д. Сатанай при всем этом выступает в роли хранительницы домашнего очага, она мудра, верна мужу. В карачаево-балкарском эпосе она бессмертна.

Сосурка – второй по значимости герой эпоса. Достигнув совершеннолетия, Сосурка спасает от смерти Ёрюзмека, побеждает пятиголового эмегена силой, умом и хитростью. «И в сказаниях об Ёрюзмеке, и в сказаниях о Сосурке мы видим эволюцию образов эпоса от мифа к реальности, – подчеркивает А. Караева. – Они конкретизируются, наполняются реальным содержанием, теряя в некоторой степени свою условность»<sup>1</sup>. Храбрый воин Ачemez мстит за смерть отца, он прекрасно играет на музыкальных инструментах, подобно Орфею, заставляет природу оживать: растения склоняют свои ветви, камни двигаются.

Особенностью карачаево-балкарских нартских сказаний является то, что у большинства их имеются два варианта – стихотворно-песенный и прозаический. Тематика их разнообразна. Одни повествуют об исторических событиях, в которых участвовали предки, другие – о борьбе нартов с эмегенами и драконами. Нарты созданы верховным богом Тейри для установления порядка на земле, и защита Отечества – их важный долг. Они борются со злом: с чудовищами и иноземными захватчиками, утверждают справедливость. Много в эпосе описаний досуга нартов – пиров, плясок. И все же в центре – изображение нарта-борца. Нарты любят воинские забавы, состязания – борьбу, скачки, стрельбу из лука, метание камня.

«Эти качества опосредуются, – пишет А.М. Гадагатль, – моральным кодексом, выработанным народом на протяжении многих тысячелетий»<sup>2</sup>. И.В. Тресков подчеркивает, что главным лейтмотивом в нартском эпосе является великая

---

<sup>1</sup> Караева А. Фольклор // Карачаевцы. – С.313.

<sup>2</sup> Гадагатль А. Героический эпос. Нарты и его генезис. – Краснодар, 1967. – С.110.

любовь к человеку, стремление сделать его жизнь более радостной и светлой. Народ воплощал в своих фольклорных образах свой многовековой опыт, свою мечту о справедливой и радостной жизни<sup>1</sup>. Сплав этического и эстетического характерен для эпической традиции. Способ изображения героя в фольклоре, принцип типизации будут использованы в повествовательных жанрах карачаевской литературы.

Героический эпос «Нарты», историко-героические и лиро-эпические песни, сказания и легенды, сказочный эпос – воплощение народной памяти, национального мышления и нравственности. Огромна функция песни. В жанровом и тематическом отношении песенное творчество карачаевцев и балкарцев развивалось в тесных контактах культур северокавказских народов и поэтому наиболее близко к песням адыгов, ногайцев, осетин, чеченцев и ингушей, народов Дагестана. Горцев Северного Кавказа связывает то, что они живут в сходных географических и социально-экономических условиях. При всей непохожести языков этих народностей их культуры очень близки.

В исторических песнях, по сравнению с эпосом, герой оказывается вполне человеческим, реальным. Персонажами песен становятся подлинные исторические деятели (например, Кара-Мусса, Татаркан, Барак и др.). Во время работы пелись трудовые песни, в сатирических песнях высмеивались человеческие пороки. Особым лиризмом отличались любовные и колыбельные песни («Акбийче и Рамазан», «Белая Батай»). Песенное творчество карачаевцев также развивалось в тесных контактах культур северокавказских народов.

Сказка, как и песня, явилась благодатным источником творчества писателей. Разрушение мифа и эпоса привело к возникновению сказок, мифологическое и эпическое мирозерцание сменилось бытовым. Развитию сказочного эпоса способствовали условия жизни. Связи с Закавказьем, Дагестаном, а также усвоение арабской литературы способствовали распространению традиционных фольклорных сюжетов, образов, которые изменялись и приобретали новое содержание и новые формы в условиях Карачая и Балкарии.

---

<sup>1</sup> Тресков И.В. Кабардинская литература. – С.546.

Сказочный эпос представлен различными жанрами: сказками о животных, чудесными или волшебными, бытовыми или новеллистическими. Резкую грань между ними не всегда можно провести. Нередко эпизоды и образы одного сказочного жанра проникают в другой. Примером вхождения мотива нартского эпоса может служить сказка «Ёрюзбек». В волшебных сказках герои добиваются счастья и удачи благодаря предметам, имеющим магическую силу, – шапке-невидимке, кольцу, мечу, летающему ковру, чудным советам волшебников и т.д. В бытовых сказках высмеиваются человеческие пороки: жадность, глупость, лень и т.д. Положительный герой – бедняк, батрак<sup>1</sup>. В сказках о животных иносказательно изображаются характеры людей и их взаимоотношения. В них отразилось поклонение богу охоты Апсаты, покровителю домашних животных Аймушу. Автор разделяет мнения ученых Л. Бекизовой, Р. Ортабаевой, что сказка выявляет близкие связи с повествовательными жанрами литературы.

Своеобразна роль и народных притч – эпических повествований дидактического характера, так органично трансформированных в литературе. Следует сказать и о Зекире – песнопение религиозного характера из жизни пророка Мухаммада, сюжеты из Корана, молитвы к Аллаху. Есть особый жанр – выдумки, хапары, фантастические циклы рассказов. Сатирическая струя карачаевского фольклора представлена анекдотами (народными побасенками) о демократичном герое Насра Ходже, выражающем оптимистический дух народа.

Метким словом оценивались народом в пословицах и поговорках качества и поступки человека. В тематике пословиц у северокавказских народов много общего, так как народы-соседи прошли общий исторический путь развития, имели тесные экономические и культурные взаимосвязи.

В пословицах и поговорках в обобщенном виде выразилось отношение народа к добру и злу, уму и глупости, радости и горю. Пословицы и поговорки по структуре близки

---

<sup>1</sup> Подр. см.: Ортабаева Р.А.-К. Карачаево-балкарская сказочная традиция // Традиции и современность. Метод и жанр. – Черкесск, 1986. – С.117-132.

естественной речи. Колоритные на родном языке, в переводе на русский язык они звучат так: «Кто не работает, тот не ест», «Не надейся на силу, надейся на труд», «Десять пальцев умельца – десять мужчин». К лени и тунеядству относились с пренебрежением: «В еде волк, в работе – туп» и др. Пословицы и поговорки карачаевцев и балкарцев выражали любовь к Родине, родной земле: «Та земля лучше, где ты родился, а не та, где ты кормился». В них прославлялись мужество, стойкость, честность, а осуждались такие человеческие черты, как корысть, эгоизм: «Когда нужно – становится лисой, когда самому не нужно – становится ежом», «Туда – серп, сюда – коса», «Чужой рукой он крапиву рвет».

Много пословиц и поговорок, возвеличивающих женщину, прославляющих ее ум, красоту, трудолюбие: «Там, где нет женщины, нет радости», «Хорошая жена – крылья мужчины». Круг проблем, нашедших отражение в пословицах и поговорках, широк и разнообразен и может приводить к философскому выводу.

Язык пословиц и поговорок точен и образен, их особенностью является сжатость и краткость. Как известно, М. Горький советовал пишущим учиться у народной пословицы, «сжимать слова, как пальцы в кулак»<sup>1</sup>. Но краткость не сужала использование в поговорках и пословицах самых различных средств поэтики (образного параллелизма, сравнения, метафоры, метонимии, иронии, аллитерации и др.).

Композиционное построение карачаево-балкарских пословиц и поговорок чаще всего двухчленное, например: «По отцу – сын, по матери – дочь». Обычно они однострочные, состоят из одного предложения. Особенно ощутим в пословицах и поговорках национальный колорит языка.

Как и у других народов, в паремиологическом творчестве карачаевцев значительную роль играет рифма, которая обуславливает метрическую равномерность отдельных частей пословицы и поговорки, усиливает звуковую интонацию. В то же время встречается много нерифмованных пословичных суждений, которые в художественном отношении, по мнению многих исследователей, не уступают по-

---

<sup>1</sup> Горький М. О том, как я учился писать. О литературе. – М., 1953. – С.179.

словицам, закреплённым рифмой. Например: «Выйти замуж не трудно, трудно подгибать подол платья». Пословицы и поговорки активно живут и в устной традиции, и в художественной литературе.

Малые жанры народной поэзии: традиционные благопожелания (алгъыш), загадки (элбер), пословицы (нарт сезле), поговорки (айтыу). Алгъыш произносили на застольях, по радостным событиям, и чаще они начинаются с призыва благословения Тейри, пожеланий здоровья и благополучия родным, близким, народу. Популярны в народе загадки – стихотворения от двух до десяти строк. Они связаны с жизнью горца. Загадывание их – своеобразная игра – состязание, требующее сообразительности.

«В карачаево-балкарских сказаниях, сказках, песнях, пословицах и поговорках, загадках и приметах, – отмечал М.А. Хубиев, – придается особое значение числовой характеристике некоторых событий. Числами, имеющими своеобразное символическое значение, являются 3, 5, 7 и 9. Особенно большое значение придается числу 7. Традиция усиливать характеристику события указанием на число его повторов перешла и в литературу карачаевцев, балкарцев»<sup>1</sup>.

Устный свод правил и обычаев карачаево-балкарского народа – «тау адет» – горский обычай. «Адет» – ...обычай, традиция, правило, обряд, манера, церемония, право (обычное), порядок, приличие, нормы поведения»<sup>2</sup>. Это продуманная, прошедшая испытание временем система, кодекс, этикет и закон. Как говорят в народе, «Атаны сёзю – акъылны кёзю» – «Слово предков – око разума». В нем есть правила о воспитании, отношении младших к старшим, к гостю, к родителям. Проглядывает идеал человека, к которому должен стремиться каждый: сдержанность в речи и манерах, воздержание в пище и питье, правдивость, верность данному слову, благородство и т.д. Осмысление такого памятника духовной культуры необходимо в воспитании и в формировании нравственности нации.

---

<sup>1</sup> Хубиев М. Къарачай-Малкъар фольклорда бир традицияны юсюнден // Обновление традиций. – Ставрополь, 1974. – С.65-66.

<sup>2</sup> Джуртубаев М.Ч. Духовная культура карачаево-балкарского народа // Эльбрус. – № 1. – С.188.

В фольклоре отразилось мировидение народа, его свободолюбие, гуманизм, трудолюбие. Здесь ярко выражена эпичность, ощутимо преобладание реалистических тенденций, очевидно тяготение к конкретному изображению событий, героев. В произведениях устного народного творчества широко использованы образные средства карачаево-балкарского языка, наиболее употребительными стали в литературе эпитеты, метафоры, сравнения и т.д. «Устное народное творчество представляет собой комплексную эстетическую систему, живущую и развивающуюся как духовная самооценочность»<sup>1</sup>.

Темы, идеи, сюжеты, образы, мотивы, элементы поэтики национального фольклора стали арсеналом художественной литературы, ее живительным источником, «крылом» для взлета национальной литературы. Велико значение фольклора в системе культурного наследия для формирования литературных традиций и их дальнейшего развития. На основе всех этих истоков (миф, фольклор) будет рождаться творчество народных певцов Карачая (переходный этап от фольклора к индивидуальному творчеству) и собственно письменная художественная литература карачаевцев.

## **2. Просветительские традиции.**

### **Зарождение русско-карачаевских литературных связей**

К концу XIX века уже намечаются две тенденции развития карачаевского общества – ориентация на мусульманскую культуру Востока (религиозное образование на арабском языке) и русскую культуру (светское образование на русском языке). Влияние восточной культуры через религию в целом сказалось на духовной жизни карачаевского общества, на его национальном мировидении. Но и социально-экономическое развитие России, общественные отношения карачаевцев с русской культурой определили духовную жизнь нации. Влияния, как и истоки, традиции, являются общими факторами «также для национальных литератур ряда других народностей Северного Кавказа, судьбы

<sup>1</sup> Гамзатов Г. Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. Типология и своеобразие художественного опыта. – С.48.

которых складываются в аналогичных исторических ситуациях»<sup>1</sup>.

Для выявления типологической общности литератур Северного Кавказа представляет большой интерес «исследование путей и сущности культурных связей и литературных влияний, а также традиций, давших всходы национальной литературе» в Дагестане. У карачаевской литературы не было столь значительного опыта арабоязычного творчества, как в Дагестане. Арабоязычное письмо также трансформировалось и применительно к карачаевскому языку, но лишь в 1916-1925 гг. Не имела она и столь мощных традиций просветительства на русском языке, как, например, в адыгских литературах XIX века. Тем не менее некоторые явления карачаевской литературы можно трактовать в русле русскоязычной просветительской традиции.

Сложившиеся благоприятные культурные и социально-экономические условия активизировали национальное самосознание, рост художественного мышления народа и привели к появлению просветительства. Своим творчеством они способствовали приобщению горцев к образованию, к передовой русской культуре, взаимопониманию.



Таким образом, карачаевская литература вырастает из исторических фольклорных истоков, из просветительства и в тесной связи с русской литературой. Это было традиционно для молодых литератур Северного Кавказа.

Тяготение к освоению передовой культуры у лучших представителей карачаевской нации имеет глубокие корни. Привлекает внимание один из первых карачаевских просветителей — поэт и художник **Ислам-Бий Пашаевич Крымшамхалов**

<sup>1</sup> Гамзатов Г.Г. Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. Типология и своеобразие художественного опыта. — С.65.

(1864-1910)<sup>1</sup>. Он родился в ауле Карт-Джурт в семье горских князей. После ранней смерти матери мальчика взял на воспитание в свою семью в Балкарию дядя (брат матери) известный просветитель Исмаил Урусбиев. Там Ислам получил хорошее домашнее воспитание, обучился арабскому письму, русскому языку. Родственники отца отдали Ислама в одну из лучших гимназий юга России – Ставропольскую гимназию.

Ислам Крымшамхалов в 16 лет был принят на службу в Конвой Его Императорского Величества Александра III Лейб-гвардии Горский эскадрон и прослужил три года в Петербурге. Здесь Крымшамхалов овладел знаниями, общился к наукам и проявил склонность к творчеству. Он сочинял стихи, писал очерки и рассказы на русском и родном языках (на арабице).

По возвращении из Петербурга в Карачай И. Крымшамхалов работал служащим в конторе рудника «Эльбрус», занимался общественной и литературной деятельностью. Он написал повесть «Там и здесь». К сожалению, это произведение было утеряно в рукописи. Автор повествовал о контрастах жизни – роскоши и праздности в дворцах Петербурга и нищете и убогости обездоленной семьи бедняков в карачаевском ауле. Рассказ «Карачаевское горе», опубликованный в журнале «Мусульманин», возможно, фрагмент из этой повести<sup>2</sup>.

Ислам писал стихи на карачаевском языке, занимался переводами из русской поэзии. Из литературного наследия Крымшамхалова сохранилась лишь малая часть поэтических произведений, но и по ним можно судить о незаурядности его таланта. Основная тематика его стихов – размышления о жизни. Его стихи «Оживляя холодные камни», «На берегу моря», «Сон», «Махач», «Ветер», «В альбом» образно передают трепетное отношение автора к природе и человеку, особенности национального мироощущения. В стихотворении «На берегу моря» звучит мотив тоски по малой родине, по горам, море выступает как контраст:

<sup>1</sup> Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX века. Избранное. – Т. 1. – Нальчик, 1993. – С.129.

<sup>2</sup> Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX века. Избранное. – Т.2. – Нальчик, 1996. – С.123.

Море катит воды с ревом,  
Что-то дыбится на дне.  
Взгляд обиды жмурит брови  
И как будто шепчет мне.

В диалоге лирического героя и моря звучат доверительные интонации. Море не хочет отпускать его. Лирический герой благодарен морю за ласку, чувствует себя уютно «на груди волны», но все же его тянет к горам:

Ждут меня родные горы  
Под названием Карачай.  
Не забыть мне эхо моря,  
Море бурное, прощай!

Перевод А. Суюнчева.

В тональности стихотворения поэта «Оживляя холодные камни» ощущается влияние русской романтической традиции:

Оживляя холодные камни,  
Все под солнцем примет мой глаз,  
Окружающий мир я руками  
Заношу на холсте без прикрас.  
Лучезарные краски поют –  
Они радуют душу мою.  
Шаловливый ветер гонит  
По ущелью снег,  
Покрывают скалы, горы  
Беглый, белый след.

Перевод А. Суюнчева.

Ислам Крымшамхалов способствовал углублению содержания и совершенствованию формы произведений национальной поэзии (классическая метрика, коренная рифма, изобилие выразительных средств). Известна басня Крымшамхалова «Слон и лев» на карачаевском языке, кроме того, он переводил басни И. Крылова на родной язык, из них сохранилась только басня «Волк и Кот», изумляющая читателя талантом переводчика.

«Прелесть этих переводов, – писал Ислам Хубиев (Карачайлы) в статье «Писатели и поэты Карачая», – заключается в их легкости, в простоте, отсутствии вычурностей, выкрутасов, раздражающих и отталкивающих простого карачаевца от всякой литературы и всякого печатного слова. Пе-

реводы немногочисленны, но они настолько хорошо сделаны, что производят впечатление совершенно оригинальных произведений»<sup>1</sup>.

Показательно, что И. Крымшамхалов имел крепкие дружеские связи с представителями национальной культуры Северного Кавказа (Коста Хетагуров и др.) и русской культуры, особенно с художником Николаем Ярошенко, с которым завязалась тесная дружба еще в Петербурге. Русский художник часто гостил в Балкарии у родственников Ислама — Урусбиевых. В 1885 г. Ярошенко поселился в Кисловодске, и его усадьба становится чудесным уголком, который посетили Ф. Шаляпин, Л. Собинов, С. Рахманинов, С. Танеев, И. Репин, А. Куинджи, Г. Успенский, И. Павлов, Д. Менделеев и др.

Ислам Крымшамхалов был близок с художниками-передвижниками, но Н. Ярошенко оказал наибольшее влияние на Крымшамхалова — художника. По рекомендации Ярошенко он в 1905 году учился в Москве в художественной школе, но из-за ухудшения здоровья вынужден был вернуться домой. Талантливый художник Крымшамхалов хотел открыть свою персональную выставку в Москве (выставка экспонировалась лишь в 1911 году, после его смерти). Он иллюстрировал «Геологический очерк ледниковой полосы Теберды и халты» известного ученого И. В. Мушкетова, изданный в Москве в 1896 году. Известны картины И. Крымшамхалова: «Мать и малыш», «Мальчик-карачаевец», «Портрет горянки», «Старик-карачаевец», пейзажи. В экспозиции дома-музея Н. Ярошенко в Кисловодске находится этюд-портрет Ярошенко, написанный Исламом<sup>2</sup>.

Поэт, художник, просветитель Ислам Крымшамхалов — личность незаурядная, он был одним из видных деятелей культуры на Северном Кавказе. Еще со времени учебы в Ставропольской гимназии Крымшамхалов был знаком с Костой Хетагуровым, позже судьба соединила их в Карачае. Летом 1892 года Ислам Крымшамхалов, Николай Ярошен-

<sup>1</sup> Цит. по кн.: Карачаево-балкарские деятели конца XIX — начала XX вв. Избранное: В 2-х т. — Т. 2. — С.191.

<sup>2</sup> Польская Е. Поэт, художник, просветитель // Молодой ленинец. — 1964. — №11.

ко, Коста Хетагуров и инженер рудника «Эльбрус» Кондратьев отдыхали в Теберде, тогда же было решено обосновать в этом чудесном уголке с сосновым лесом оздоровительный поселок. Ислам окончательно поселяется в Теберде. Он возглавляет просветительское движение в Карачае, способствует открытию тебердинского училища. Еще в Петербурге И. Крымшамхалов заболел туберкулезом, потом периодически лечился в Ялте, но здоровье с каждым годом ухудшалось. И. Крымшамхалов умер от тяжелой и продолжительной болезни 31 декабря 1910 г. в Ялте. Он ушел из жизни в расцвете творческих сил, не осуществив многих своих замыслов.

Исследователь З. Боташева<sup>1</sup> в жизни и творчестве двух видных северокавказских мыслителей Ислама Крымшамхалова и Коста Хетагурова выявляет много общего: яркость поэтического таланта, раннее сиротство – потеря матери, воспитание у родственников, учеба в одно время в Ставропольской гимназии, жизнь в Петербурге, болезнь чахоткой, и оба умерли (когда каждому из них было 46 лет) вдали от родных гор, но по настоянию земляков их тела были перезахоронены на родине – в Карачае (Теберде) и Осетии.

Известно, что И. Крымшамхалов высоко ценил классиков русской литературы, он «...любил больше философские произведения и был поклонником Л.Н. Толстого»<sup>2</sup>. В библиотеке Крымшамхалова были все издания Толстого. Следуя примеру Л. Толстого, он старался распространить знания среди карачаевских детей. Некоторые его стихи и басни были включены в школьный учебник «Родной язык» (1916) И. Акбаева.

И. Крымшамхалов известен как публицист и общественный деятель. В письме к редактору журнала «Мусульманин» М.-Б. Лаше он писал: «Если у наших горцев отсутствуют знания чисто научные, то зато у них развит в высшей степени культ воспитания, между тем как к этому важнейшему вопросу лишь приближается наикультурнейшая

---

<sup>1</sup> Боташева З. Озарение души. – Черкесск, 1985; Ленинское знамя. – 1990. – 13 июля.

<sup>2</sup> См.: Хубиев М.А. Лев Толстой и Карачай // Толстовский сборник. – Тула, 1964.

Европа»<sup>1</sup>. Он подчеркивал то, что воспитание заменяет горцам многие социальные институты, пытается определить содержание понятий «культура», «общечеловеческое». Письмо к общественности через газету или журнал было широко распространено как публицистический жанр рубежа веков, как повод для вступления в дискуссию или стимулируя ее.

Известны статьи просветителей Х. Халилова, И. Байрамукова, И. Хубиева, Н. Токова, в которых поднимались проблемы школьного образования. «Школы еще только начали здесь свое просветительское влияние. Карачаевцы сами придают уже большое значение русской школе и охотно дают средства на ее содержание...»<sup>2</sup>. Деятельность первых публицистов-просветителей усложнялась отсутствием письменности на родном языке. До революции были сделаны попытки создания национальной письменности И. Крымшамхаловым, С. Урусбиевым, А. Батчаевым, И. Акбаевым. Первые просветители осваивали русскую литературную традицию, и к началу XX века сложилась плеяда горцев, полу-



живших светское образование и соприкоснувшихся с русской прогрессивной культурой.

Традициям просветительства отвечала и деятельность **Ислама Хубиева (Карачайлы)**. Еще будучи учеником Ставропольской гимназии, он печатался в журнале либерального направления «Мусульманин». Первая его статья – «Несколько слов о Карачае»<sup>3</sup> была опубликована в 1911 году. Тогда же он выступал против сословных предрассудков в Карачае<sup>4</sup>, за

<sup>1</sup> Крымшамхалов И. Письмо редактору журнала // Мусульманин. – 1910. – № 2. – С.55.

<sup>2</sup> Тепцов В.Я. По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. – Тифлис, 1882. – Вып. 14. – С.108-110.

<sup>3</sup> Карачайлы. Несколько слов о Карачае // Мусульманин. – 1911. – № 5. – С.201-204.

<sup>4</sup> Карачайлы. Сословные недоразумения в Карачае // Мусульманин. – № 24. – С.973-976.

равноправие женщины-мусульманки<sup>1</sup>. Ислам Хубиев возлагал большие надежды на просветительскую деятельность среди горцев. После революции судьба гимназиста Хубиева изменилась. В 1920-1921 годах он в Карачаевском ревкоме сотрудничает с известным революционером Умаром Алиевым, выступает на страницах революционной печати. В дальнейшем Хубиев стал выдающимся публицистом, внося вклад в развитие карачаевской прозы (о чем будет сказано в соответствующем разделе).

Традиция просветительства, представленная в карачаевской литературе именами И. Крымшамхалова, И. Хубиева, была тем более важна, что карачаевская письменность в течение короткого времени – чуть более 20 лет (1916-1938 гг.) – трижды подверглась изменению своего алфавита: в 1916-1925 гг. – арабица, 1926-1937 гг. – латиница, а с 1938 года – кириллица. Но, несмотря на возникшие трудности, она набирала силы и крепла. В этой связи представляет несомненный интерес один из первых откликов о карачаевской литературе начального периода, помещенный в 1931 году в «Литературной энциклопедии». Приведем его частично и с небольшими сокращениями: «Карачаевская литература возникает лишь в 1916 году. Это карачаевский букварь «Ана – Тили» («Родной язык») Исмаила Акбаева. Карачаевская письменность на основе латинизированного нового алфавита возникает при советской власти. Автором первой советской книги, напечатанной латинизированным алфавитом, является Умар Алиев – поэт, переводчик, научный работник, автор карачаевской грамматики, русско-карачаевского и карачаево-русского словарей, карачаевской хрестоматии и ряда работ на карачаевском и русском языках («Карачай», «Адыгея», «Кара-Халк»). Много вложено в карачаевскую литературу Асхатом Биджиевым – поэтом, переводчиком и автором карачаевской хрестоматии («Bilim» – «Знание»)<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Карачайлы/И. Хубиев/. Положение женщины в Карачае // Мусульманин. – № 24. – С.979-980.

<sup>2</sup> Литературная энциклопедия. Ответ. ред. А.В. Луначарский. – М., 1931. – Т.5. – С.118.



Упомянутый в «Литературной энциклопедии» **Умар Алиев** (1895-1938) также был ревностным сторонником укрепления дружбы народов и национальных литератур, он призывал к расширению межнациональных литературных и культурных взаимоотношений. Он же в стихотворении «Кавказ» (1924) проникновенно говорил о роли этого края в жизни и творческой судьбе русских писателей. У.Д. Алиев – автор известного стихотворения «Билим» («Знание»), рассказа «Двуглавый орел» и других произведений. В стихотворении о родном Карачае он описывает то новое, что изменило жизнь горного края.

...И солнце снежным высям в дань  
Приносит яркие алмазы,  
И белопенная Кубань  
Поет о будущем Кавказа!

Перевод А. Биджиева.

В 20-х годах карачаевская литература приобрела определенную известность в нашей стране. Показательно, что М. Горький, постоянно интересовавшийся развитием национальных культур, обратился в 1927 году в Севкавказиздат: «Прошу Вас, пожалуйста, пришлите мне заказной бандеролью – Италия, Сорренто, М. Горькому – нижеследующие книги: «...Умар Алиев «Карачай» и «Адыгея...»<sup>1</sup>. Книга У. Алиева «Карачай: историко-этнографический и культурно-экономический очерк» является «самой обстоятельной и до сих пор непревзойденной работой в историографии карачаевского народа», – отмечает исследователь А.Д. Койчуев<sup>2</sup>.

У. Алиев работал зав. отделом Мусульманского комис-

<sup>1</sup> Цит. по кн.: Абаева Ф. Умар Алиев: просветительская, педагогическая и общественная деятельность. – Майкоп, 1995. – С.43.

<sup>2</sup> Койчуев А.Д. У.Д. Алиев – ученый-историк // Умар Алиев – просветитель, общественно-политический деятель, ученый. – Карачаевск, 1996. – С.31.

сариата при Наркомнаце РСФСР(1918), окончил институт красной профессуры (1935). Зная около 20 языков, обладая энциклопедическими знаниями, Умар Джашуевич Алиев преподавал в Дагестане, Грузии, Башкирии, Татарстане; в Москве вел арабский язык в МГУ, карачаево-балкарский язык в ГИТИСе. Поэт Кайсын Кулиев, учившийся у Умара Алиева в Московском государственном институте театрального искусства им. Луначарского, вспоминал: «Умар Алиев был разносторонним ученым, поэтом и прекрасным педагогом. Будучи весьма обаятельным, он умел объединять людей и обладал удивительным качеством вдохновлять. У. Алиев вел большую просветительскую, общественную, государственную работу, тем самым он сыграл огромную роль в развитии национальной культуры»<sup>1</sup>. Умар Джашуевич Алиев был незаконно репрессирован в 1937 году и расстрелян. Русскоязычное творчество И. Крымшамхалова, И. Хубиева, У. Алиева вписывается в зарождающуюся в 20-е гг. традицию русско-карачаевских связей.

Новописьменные литературы развивались довольно быстро, они, по словам К. Зелинского, «за несколько лет проходят путь, который для больших литератур, древних, занял бы, по крайней мере, столетие или половину его»<sup>2</sup>. И это ускорение произошло потому, что опыт разных культур, прежде всего русской литературы, позволил молодым литературам выйти «на самые передовые позиции наикратчайшим путем...»<sup>3</sup>. Л. Арутюнов подчеркивал, что у писателей новописьменных литератур «связь с мифологическим или фольклорным наследием гораздо более непосредственное и живее»<sup>4</sup>. Р.Гамзатов отмечал значение русской литературы в освоении новых жанров и новых форм. А Ч.Айтматов

<sup>1</sup> Подр. см.: Лайпанов К., Батчаев М. На крыле времени. – М., 1977; Лайпанов К., Батчаев М. Умар Алиев. – Черкесск, 1986.

<sup>2</sup> Зелинский К. От фольклора к роману. Актуальные проблемы соц. реализма. – М., 1969. – С.205.

<sup>3</sup> Гаджиев Г. Роль русской культуры в духовном развитии народов Дагестана // Литература Дагестана и жизнь. – Махачкала, 1978. – С.81.

<sup>4</sup> Арутюнов Л.Н. Развитие эпических традиций в современной советской литературе // Взаимодействие литератур и художественная культура развитого социализма. Проблемы жизни. Теория. Поэтика. – М., 1981. – С.208.

назвал русскую литературу и национальный фольклор двумя крыльями, обеспечивающими надежность взлета и движения каждой национальной литературы. Национальная культура оказалась подготовленной и к «общечеловеческим идейно-творческим концепциям», и к «восприятию идейно – эстетических позиций русской культуры, русской литературы, русского и в целом «европейского» образа мышления»<sup>1</sup>, благодаря изменившимся духовным запросам народа.

Многочисленные связи с писателями и культурными деятелями северокавказских республик были у русских писателей. В письме из Сорренто от 20 ноября 1927 года, адресованном П. Максиму в Ростов-на-Дону, М. Горький спрашивал: «Нет ли еще чего специально о мусульманке-женщине Северного Кавказа?»<sup>2</sup>. В другой раз в письме от 8 февраля 1930 года из Сорренто Горький писал тому же П.Х. Максиму: «Хорошо бы иметь что-нибудь о женщинах Северного Кавказа, к 3-й мартовской книге». Имеется отзыв Горького о сборнике сказок народов Северного Кавказа: «Ценность адыгейских сказок, – заметил Горький, – увеличивается еще и тем, что в них зло везде побеждено. Это хорошее свидетельство о здоровье народа»<sup>3</sup>. В статье «Разрушение личности» (1909) он писал о народных певцах Кабарды – гегуако, которые словом своим побуждали народ к свершению доброго. Известно также, что Горький с интересом отнесся к творчеству народного кабардинского певца Бекмурзы Пачева.

Горький постоянно подчеркивал, что развитие каждой национальной литературы, принадлежит ли она большому или малому народу, «содействует взаимному пониманию людьми друг друга... Чем лучше будут знать психику – «душу» – друг друга представители различных племен, тем единодушнее, быстрее, успешней будет и движение к наметенной великой цели» /т. 24, с.423/.

---

<sup>1</sup> Гамзатов Г. Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. – С. 105.

<sup>2</sup> Максимов П. О Горьком. – Ростов-на-Дону, 1946. – С.37-38.

<sup>3</sup> Адыгейские сказки / Пер. с адыгейского Т. Керашева, литературная обработка П. Максимова/. – Майкоп, 1957. – С.3.

В деятельности Карачаево-Черкесской писательской организации конца 20-х годов приняли участие: Вл. Ставский – один из руководителей Северокавказской ассоциации писателей<sup>1</sup>, начинающие тогда свой литературный путь С. Бабаевский и А. Серафимович. Первые репортажи, очерки и рассказы С. Бабаевского были опубликованы в выходящей на черкесском языке газете «Красная Черкесия». Развитию молодой карачаевской литературы немало способствовало общение карачаевских и русских писателей. В 20-30-е годы в Карачае побывали А. Серафимович, Н. Тихонов, В. Каверин, Ю. Либединский, Ю. Тынянов, Н. Асеев, С. Кирсанов и другие<sup>2</sup>.

А. Серафимович в 1926-27 годах участвовал в работе местных писательских организаций. Известно, что он посетил Кисловодскую карачаевскую ассоциацию пролетарских писателей, анализировал произведения начинающих авторов, дал много ценных советов. «...Есть славные ребята, – писал он. – ...Весело глядеть, как их прет из земли, как густая трава»<sup>3</sup>. Серафимович охотно делился с национальными писателями своим опытом, вникал в разные сферы литературной жизни.

В «Открытом письме А.С. Серафимовичу» (1934) М. Горький заметил: «Мы с Вами – древние приятели и, не особенно хвастаясь, могу сказать, что в литературе советской признаны как бы за протопопов» /т.27, с.147/. Следует подчеркнуть влияние горьковских произведений на национальные литературы Северного Кавказа. По свидетельству кабардинского писателя Али Шогенцукова: «Своими рассказами Горький учил меня понимать простую, глубоко человеческую жизнь труда, он учил меня уважать и любить человека»<sup>4</sup>.

Плодотворными были связи карачаевских и русских литераторов накануне Первого съезда писателей СССР, что активизировало приобретение творческого опыта ряда молодых литераторов. Это был закономерный «процесс вовлече-

---

<sup>1</sup> На подъеме /Альманах/. – № 4. – С.184.

<sup>2</sup> Егорова Л.П. Дороги дружбы. – Черкесск, 1969. – С.8.

<sup>3</sup> Егорова Л.П. Дороги дружбы. – С.23.

<sup>4</sup> Цит. по кн.: Теунов Х. Али Шогенцуков. Путь поэта. – Нальчик, 1950.

ния в семью советских литератур новых национальных отрядов, рождение новых письменных литератур»<sup>1</sup>.

Бригада Союза писателей, посетившая этот округ, положительно отозвалась о творческих достижениях карачаевских писателей, среди них были отмечены поэты Исса Каракотов и Азрет Уртенев, а также начинающие прозаики и драматурги. «...У карачаевцев чувствуется более высокая культура слова, богатство образов и красота формы, карачаевские прозаики и драматурги ожидают еще своих переводчиков...»<sup>2</sup>. Отметим, что в областном центре в городе Микоян-Шахар во второй половине 30-х годов функционировали Союз писателей, национальное книжное издательство, Карачаевский научно-исследовательский институт истории языка и литературы и выходили пять газет на карачаевском и русском языках.

На Первом Всесоюзном съезде советских писателей были представлены литературы более чем на 50 национальных языках<sup>3</sup>, в том числе была зафиксирована и карачаевская литература. На съезде от карачаевской организации присутствовал А.-К. Батчаев как делегат с решающим голосом. Слова Горького об огромной роли фольклора, призывы к совершенствованию писательского мастерства имели вдохновляющее воздействие на всех писателей страны. Русские писатели провели большую работу по выявлению талантливых писателей и народных певцов республик, по оказанию им помощи, в результате чего открылись возможности для процесса взаимодействия и взаимообогащения литератур.

Показательны в этом отношении литературные связи Ю. Либединского с Карачаем. В 30-е годы Ю. Либединский был председателем секции литератур народов Северного Кавказа при Союзе писателей СССР. В 1933 году Либединский посетил Кабарду<sup>4</sup>, летом 1935 года – приехал в Карачай.

<sup>1</sup> Гусейнов Ч. Формы общности советской многонациональной литературы. – М., 1978. – С.14.

<sup>2</sup> Феоктистов Н. Литературные организации Северного Кавказа // «Революция и национальности». – 1934. – № 6. – С.39-40.

<sup>3</sup> Гусейнов Ч. Формы общности советской многонациональной литературы. – С.15-17.

<sup>4</sup> Либединский Ю. Об уважении к литературе. – М., 1965. – С.72-77.

Его интересовали успехи молодой литературы. Либединский присутствовал на обсуждении первого карачаевского романа «Черный сундук» Х. Аппаева, высказал мнение о романе, «дал молодому автору ряд советов...»<sup>1</sup>. В записных книжках Либединского найдены сведения о поэте И. Каракотове<sup>2</sup>.

В 1939 году Ю. Либединский вновь приехал в Микоян-Шахар. В областной газете «Къызыл Карачай» сообщалось о встрече писателя с работниками издательства, с молодыми литераторами, на которой Либединский интересовался ростом карачаевской литературы, а также переводами, издательскими делами. Русского писателя беспокоила творческая судьба народного певца К. Кочкарова. На литературном вечере в присутствии Либединского молодые поэты Хасан Бостанов, Тохтар Борлаков, Магомет Урусов, О. Хубиев читали свои стихи. В записной книжке сделано много деловых записей о карачаевских литераторах. О Халимат Байрамуковой он записал, «что талант горянки развивается в лучшую сторону». «Исмаил. Работа с ним идейно-политическая. Иначе измельчение, повторение», — записал он после посещения народного певца Исмаила Семенова<sup>3</sup>.

Контактные связи русских писателей с карачаевскими дали свои результаты в развитии литературы Карачая. Но и «русская литература не была лишь духовной силой «воздействующей», она еще выступала и средой «воспринимающей»<sup>4</sup>. Отметим воздействие карачаевского материала на русскую литературу. «Сама жизнь требует изображения интернациональных связей, когда писатель соприкасается с тем материалом, где эти связи переплетены между собой, как неисчислимые нити»<sup>5</sup>, — говорил Г. Ломидзе. Организация

<sup>1</sup> Егорова Л.П. К вопросу о взаимодействии русской литературы и литератур народов Северного Кавказа после Октября. // Труды КЧНИИ, выпуск IV. — Черкесск, 1970. — С.398.

<sup>2</sup> Егорова Л.П. Дороги дружбы. — С.43-45.

<sup>3</sup> Егорова Л.П. К вопросу о взаимодействии русской литературы и литератур народов Северного Кавказа после Октября. — С.393.

<sup>4</sup> Гамзатов Г. Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. — С.105.

<sup>5</sup> Ломидзе Г.И. Интернациональный пафос советской литературы. — М., 1970. — С.103.

литературной жизни национальных окраин была главной сферой деятельности русских писателей, вместе с тем они создали произведения на национальном материале. Они «смело вторглись своим пером в новую действительность народов Северного Кавказа»<sup>1</sup>. Русские писатели, отражая жизнь других народов, типологически близки: они придерживаются четкого социального, а не национального различия, выражения братских и дружеских чувств ко всем народам. Внимание народов к духовной жизни друг друга приводит писателей к отражению в художественном произведении инонациональной действительности, образа жизни человека другой национальности, горского менталитета и мировидения.

В основу рассказа А. Серафимовича «Адимей» легла история вчерашнего абрека Адимея Узденова. Картина жизни карачаевцев дана писателем в романтически-обобщенном ключе: «Века шло одно и то же: курились вершины дымными облаками, блестели на солнце вечные снега и, утопая в чудовищной траве, бродил у снегов скот и лошади. Далеко внизу, в ущельях, безумно грохотали реки... Дымились аулы, и медленно текла в них скудная, темная, но родная жизнь. Дремучие белоголовые горы загораживали все, что делалось на свете. Да и вся жизнь, весь «свет» был здесь в этих извечных громадах, в этих дремучих лесах, в смертельных пропастях»<sup>2</sup>. Автор в пейзажной зарисовке очень внимателен, точен в определениях и способен создать живую, подлинную красоту. Серафимовича в рассказе «Черкес» волновали взаимоотношения простых людей – русских и горцев. «Вообще признание за каждым народом больших человеческих достоинств оставалось исконной чертой русской духовной культуры, – отмечает Г. Гамзатов. – Ей всегда были присущи национальный такт и глубочайшее уважение к характеру и быту выходца из нерусской национальной среды»<sup>3</sup>. Судьба девушки из рассказа Серафимовича

<sup>1</sup> Егорова Л.П. У истоков советской романтической прозы. – Ставрополь, 1968. – С.47.

<sup>2</sup> Серафимович А. Адимей. Собр. соч. в 7 т. – Т.7. – М., 1960. – С. 23.

<sup>3</sup> Гамзатов Г. Литература народов Дагестана дооктябрьского периода. Типология и своеобразие художественного опыта. – С.88.

ча «Девушка гор» основана на фактическом материале. Это раздумья писателя о судьбах национальной молодежи.

Образы карачаевцев в рассказах Серафимовича раскрыты на основе романтических традиций русской литературы. Писателем выдвинуты на передний план признаки внешней характеристики, темперамента, быта, наиболее заметные для русского человека: «Карачаевцы... стройные, в перетянутых черкесках... Кинжалы, — а в рабочую пору — отрепанные, босые» /с.62/. В творчестве А. Серафимовича «тебердинские» рассказы явились красочным эпизодом, а Юрию Либединскому поездки на Кавказ predetermined дальнейшую творческую судьбу. Саньят Баташева, главная героиня одноименной повести, — председатель колхоза, девушка, рвущая пути национальной ограниченности.

Ю. Либединский, как было уже сказано выше, присутствовал при обсуждении рукописи романа Х. Аппаева «Черный сундук». Заметим, что обоим писателям присущи способности решения одной и той же темы. При сопоставлении романов очевидны сходные моменты, а именно: у Либединского есть повторы отдельных сюжетных моментов из романа Аппаева (проводы через перевал русского революционера, совпадение имен у героев). Либединский одинаково строит завязку романа. Взаимоотношения Науруза Керимова с Нафисат («Горы и люди») почти повторяют линию Канамат и Байдымат («Черный сундук»). Влияние Аппаева на Либединского ощутимо и в том, что Либединский также выбирает героя-абрека, у них один прототип. Между тем русский писатель заимствовал из романа Аппаева то, что было близко ему как писателю — романтику, историю любви главных героев, их бегство, вынужденную жизнь в пещере, заключение героини в тюрьму, чтобы завлечь абрека. Либединский в отличие от Аппаева, реалиста и бытописателя, прибегает к более обобщенным романтическим приемам, больше уделяет внимания событиям, этнографическим подробностям, необычным с точки зрения человека иной среды.

Наблюдается примечательный факт литературных связей, когда русские и карачаевские писатели в одно и то же время обращаются к одному прототипу — известному в до-революционном Карачае абреку Наурузу Лепшокову, кото-

рый стал прототипом образа абрека Канамата в романе Х. Аппаева «Черный сундук» (1935), персонажа в романе Ю. Либединского «Горы и люди», героя очерка Ивана Чилима «Абрек – Науруз»<sup>1</sup>. Чилим – псевдоним русского писателя Ивана Яковлевича Егорова (1900 -1971), с 1940 по 1953 год работавшего на Ставрополье. И.Я. Егоров, часто посещавший горные районы, заинтересовался необычной судьбой абрека Науруза Лепшокова, выступившего против царской администрации и подвергнувшегося аресту; после побега находился в абреках. И лишь с приходом советской власти стал вести оседлую жизнь, обзавелся семьей и к моменту написания очерка был ударником в колхозе. Чилиму в своем очерке удалось создать живой образ, выразить личные впечатления о нём.

Карачай оставил след и в русской поэзии. Известный поэт Н. Тихонов в 1928 году приехал в Карачай, прожил с женой и друзьями более месяца в Теберде, затем в 1931 году, и более длительным и плодотворным его пребывание было в 1939 году. Тогда и было создано его стихотворение «Горных рек нескончаемый гул»: «Горных рек нескончаемый гул / Пред которым я вечно в долгу. / Он в крови моей, в сердце моем / С этим гулом мы вместе умрем. / Голубая вода Теберды / Знал я реки, что были горды / Их надменный и грозный язык / Я читать с увлечением при-вык».

Видный русский поэт Степан Петрович Щипачев (1899 – 1979) посетил Карачай в 1934 – 1935 годах. С. Щипачева привлек военный конный завод в Малом Карачае, в котором выращивались выносливые лошади для кавалерийских частей Красной Армии. В сопровождении местных коноводов он изъездил летние пастбища Приэльбрусья, знакомился с жизнью и бытом пастухов, ночевал на кошу. Горные пейзажи, наблюдения вдохновили поэта на создание таких произведений, как поэма «Встреча на Бермамыте», стихотворений «Горный ливень», «Бурка» (1936). В центре поэмы воспоминания табунщика о нелегком труде, рассказ о спасении лошадей, загнанных бураном на отвесную скалу.

<sup>1</sup> Чилим И. Абрек – Науруз // Северо-кавказский большевик. – 1935. – № 6, 9, 10, 11, 12, 14, 17. – Декабрь.

Автором даны яркие пейзажные картины. Жизнерадостное восприятие природы, рассказ о человеческих судьбах, переплетение реалистического и романтического, лирические отступления – создают оригинальное произведение, воспевающее гармонию между человеком и природой.

Восторженные похвалы тебердинским красотам есть и в письмах А. Серафимовича. «Чудесное солнце, чудесная лесная тишь и страшно прозрачный воздух»<sup>1</sup>. У Н. Асеева в статье «Дары Теберды» горы мускулистые, неповторимые, прикрывающие душу легкими дымками и облаками<sup>2</sup>. У К. Паустовского воспоминания о природе Карачая рождают смелую поэтическую ассоциацию, утверждающую нравственные высоты и ценность подлинного чувства: «Любовь, как горные перевалы: видно на сотни верст. Не каждому дано дойти и погрузить свои руки в холодные и чистые ручьи Эльбруса»<sup>3</sup>. Описания кавказского пейзажа отличаются особой романтической взволнованностью и красочностью. «С ледниковых полей (Эльбруса. – Т.Ч.) тянуло холодом и запахом фиалок. Дали были открыты на сотни верст. Долины лежали внизу, как позеленевшие бронзовые чащи, политые синей водой. В великой горной вышине стояло жаркое и близкое солнце»<sup>4</sup>, – читаем мы у Паустовского. Ему вторит Л. Ленч: «До конца своих дней не забуду я дикую черешенку с ее светло-коралловыми листочками – она стояла на краю дороги Теберда – Домбай, прелестная, застенчивая и гордая»<sup>5</sup>. Под впечатлением этой природы были созданы и произведения Н. Асеева «Это – медленный рассказ», В. Тушновой «Дорога на Клухор», М. Дудина «Гроза», А. Яшина «Домбай» и другие.

Образы кавказской природы в произведениях русских писателей – одно из наглядных свидетельств плодотворности общения с этим краем. «Чувство сопричастности», – писал Г. Ломидзе, – должно опираться на конкретные так называемые национальные жизненные реалии того или иного

<sup>1</sup> Серафимович А. Собр. соч. в 7 т. – Т. 7. – С.630.

<sup>2</sup> Асеев Н. Дары Теберды // Красный Карачай. – 1937. – 24 июля.

<sup>3</sup> Паустовский К. Воздух ледниковых полей. – В кн.: Откровение гор. – Черкесск, 1971. – С.67.

<sup>4</sup> Там же. – С.66.

<sup>5</sup> Там же.

народа, тогда оно станет сильнее, зримее»<sup>1</sup>. Знакомство с Карачаем привело к созданию произведений, ставших украшением русской литературы.

Важнейшей формой литературных связей является перевод. Переводы начинающих карачаевских писателей из русской литературы были первым шагом к освоению художественного материала в рамках европейской поэтики. Такая деятельность началась в 20-х годах и достаточно широко развернулась в 30-е годы.

Одним из первых в этом ряду был поэт и переводчик Асхат Биджиев. Блистательными переводчиками показали себя Исса Каракотов, Азрет Уртенев. Первые литераторы ознакомили карачаевского читателя с классическими образцами русской поэзии и более всего с творчеством А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Не случайно Пушкин и Лермонтов были любимыми поэтами Иссы Каракотова, он их читал, охотно переводил их стихи, приобретая при этом творческий опыт. По свидетельству П. Балтина, поэзия А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова оказала «глубокое впечатление» на Азрета Уртенова<sup>2</sup>. Произведения русской классики во многом были созвучны по тематике и лирическому настрою карачаевским писателям.

На карачаевский язык было переведено более 20 произведений А.С. Пушкина. И. Каракотов в 1928-1936 годах перевел ряд стихотворений Пушкина: «Узник», «Кавказ», «Последняя туча», и почти был закончен перевод поэмы «Цыганы», отрывок из которого карачаевский поэт вдохновенно читал<sup>3</sup>. Тогда же были опубликованы в переводах Х. Бостанова «Бахчисарайский фонтан», М. Урусова «Памятник», «Зимняя дорога», «Кобылица молодая, честь кавказского тавра», «Утро», «Зимний вечер», «Что ты ржешь, мой конь ретивый», «Обвал» (1936). Д. Байкулов в конце 30-х – начале 40-х годов перевел совместно с М. Урусовым произведения А.Пушкина: «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Сестра и братья», «Соловей», «Татарская песня», «К

---

<sup>1</sup> Ломидзе Г. Чувство великой общности. – М., 1978. – С.24.

<sup>2</sup> Балтин П. Из истории карачаевской поэзии. – Черкесск, 1961. – С.3.

<sup>3</sup> Воспоминания А. Суюнчева, 1995 г. – Архив Т. Чанкаевой.

Чаадаеву», «В Сибирь», поэмы «Бахчисарайский фонтан», «Братья-разбойники»<sup>1</sup>. А. Биджиев выступил с переводами пушкинской прозы, а именно: «Капитанской дочки» и «Выстрела», «Гробовщика» из «Повестей Белкина» (1937).

Для ознакомления карачаевского читателя с творчеством великого русского поэта 10 февраля 1937 года выходит пушкинский номер газеты «Къзыл Къарачай», в котором печатается редакционная статья – биография А. С. Пушкина, а также статьи Тохтара Борлакова «Творчество великого русского поэта», Эфенди Капиева «Сулейман Стальский у памятника Пушкину», О. Хубиева «Язык Пушкина» и переводы Д. Байкулова стихотворения «К Чаадаеву» и поэмы «Братья-разбойники». В том же году в Микоян-Шахаре выпущена книга с портретом Пушкина «А. С. Пушкин. Сказки»<sup>2</sup> с пометкой – на карачаевский язык перевел Азрет Уртенев. Книга написана на латинице и сейчас составляет библиографическую редкость. В неё вошли переводы трех стихотворных сказок Пушкина: «Сказка о царе Солтане...», «Сказка о попе и его работнике Балде», «Сказка о рыбаке и рыбке». Отрадно отметить, что в 1940 году вышли «Избранные стихи и поэмы» А. С. Пушкина.

Для горцев дорогим и близким было и имя М. Лермонтова. Народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса образно определил значение поэта для многих национальных писателей, которые «в битвах и труде...точили свои клинки на его оселке»<sup>3</sup>. В духовной жизни карачаевцев Лермонтов и его поэзия занимают особое место. Он был близок национальным поэтам тематикой, своими раздумьями и исканиями. Уже упоминавшийся в работе Асхат Биджиев был одним из первых переводчиков произведений М. Ю. Лермонтова на карачаевский язык. Ему принадлежит перевод отрывков поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон», этот перевод 2-й главы поэмы был опубликован еще в 1928 году<sup>4</sup>. Следующие переводы из

<sup>1</sup> Байкулов Д. Стихи и сказки. – Микоян-Шахар, 1940.

<sup>2</sup> А. С. Пушкин. Сомалла /Сказки/. – Микоян-Шахар, 1937.

<sup>3</sup> Цит. по ст. Н. Капиева. Лермонтов на языках народов Дагестана // Лермонтов и литература народов Советского Союза. – Ереван, 1974. – С. 407.

<sup>4</sup> Лермонтов М. Ю. Демон // Горская жизнь. – 1928. – 12 августа.

М. Лермонтова появились в 1938-1941 годах. Одним из первых в этом ряду был перевод М. Урусова отдельных глав из «Героя нашего времени» (1938). Тогда же были опубликованы в переводах Х. Бостанова, Х. Кубанова, Х. Байрамуковой лермонтовские стихотворения «Небо и звезды», «Желанье», «Зачем я не птица, не ворон степной...» К указанным лермонтовским произведениям следует добавить и позже переведенный Х. Байрамуковой отрывок из «Хаджи-Абрека» (1941)<sup>1</sup>.

В 1939 году в карачаевской областной газете публикуются материалы о жизни и творчестве М. Лермонтова<sup>2</sup>. В 1940 году правление Союза писателей Карачая готовило выпуск «Избранных произведений М. Лермонтова» на карачаевском языке к юбилею Лермонтова. К работе над этой книгой в качестве переводчиков были привлечены ведущие карачаевские поэты: И. Каракотов («Смерть поэта», «Желанье»), Д. Байкулов («Выхожу один я на дорогу...», «Беглец»). Тут же следует назвать и молодых поэтов Т. Борлакова, выступившего с переводами произведений Лермонтова: «Морская царевна», «Листок», «Воздушный корабль», «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» и «Ашик-Кериб» (турецкая сказка); Х. Кубанова («Три пальмы», «Камыш»); А. Байрамкулова («Бородино»). Самым молодым переводчиком был А. Суюнчев. Юным поэтом переведены стихотворения «Кинжал», «Благодарность», «Утёс», «Горные вершины».

Примечательно, что первые переводы из Лермонтова остаются непревзойденными. Главным было верное воспроизведение мыслей и чувств, образов, выразительности звучания. Порой переводчики были лишены возможности сохранить рифмовку и ритмику, адекватность размера. Известно, что и в других республиках Северного Кавказа тоже готовились аналогичные сборники произведений М.Ю. Лермонтова на национальных языках. Начавшаяся Великая Отечественная война помешала изданию намеченных трудов. Заметим, что в Дагестане вышли сборники стихов Лер-

---

<sup>1</sup> Лермонтов М.Ю. Хаджи-Абрек // Къызыл Карачай. – 1941. – 8 февраля.

<sup>2</sup> Къызыл Къарачай. – 1939. – 18 июля.

монтова на аварском, лакском, лезгинском, табасаранском, на татском языках. Вообще одними из первых в Дагестане переводы стихов Лермонтова были сделаны С. Габиевым на лакском языке (1906), А. Шамсудиновым (1917), Т.Бейбулатовым (1920-1925) на кумыкском языке и др. На чеченский и ингушский языки первыми переводчиками были А. Мамакаев (1938), Н. Музаев и др. Отдельную книгу стихов Лермонтова чеченские и ингушские поэты издали в 1942 году.

На карачаевском языке в 1941 году появилась книга «Избранные произведения М.Ю. Лермонтова» с портретом поэта в кавказской бурке. В домике-музее Лермонтова в Пятигорске хранится этот сборник с надписью «Домику Лермонтова от поэтов Карачая», подписанный и подаренный Х.Байрамуковой музею 10 июня 1942 года, в знак огромной любви карачаевских поэтов к Лермонтову.

Карачаевские писатели уже в довоенный период заложили начало активному ознакомлению карачаевских читателей с русской литературой XIX-XX столетий. Так, наряду с переводами из Пушкина и Лермонтова, в 1938 году были опубликованы несколько басен И.А. Крылова («Лебедь, Рак и Щука», «Лисица и Ворон», «Прохожие и собаки») в переводе А. Биджиева, он же еще в 1935 году перевел горьковские «Песню о Соколе» и «Песню о Буревестнике». (Последняя привлекла и М. Урусова, 1940). В 1938 году четыре басни А.Крылова перевел и опубликовал Д. Байкулов: «Клеветник и Змея», «Листы и корни», «Волк и Ягненок», «Волк и Журавль». М. Урусов перевел еще и рассказ И. Тургенева «Бирюк», а также стихотворения В. Маяковского. О.Хубиев в 1939 году перевел «Смерть чиновника» А.П. Чехова. Следует отметить ещё ранее сделанный перевод Али Хасановым рассказа Мамина-Сибиряка «Акбозат» (1929). Переводы отличались близостью содержания и выразительностью, они давали импульс для творческого вдохновения и обогащения литературного языка. Переводы национальных авторов показывают во всей полноте и размахе чудодейственный процесс взаимовлияния и взаимообогащения разноязычных культур. Разумеется, приведенный материал о переводах русской литературы на карачаевский язык носит выборочный характер и не может претендовать на полноту освеще-

щения этой серьезной научной проблемы. Но в любом случае он позволяет прийти к заключению, что к началу 40-х годов карачаевские читатели имели возможность познакомиться на родном языке с творениями русских классиков, по мере сил стараясь приблизить русскую литературу к карачаевским читателям. Обращение карачаевских поэтов и писателей к переводам было необходимо для творческого опыта, формирования художественного вкуса, литературной учебы и стало полезно и плодотворно для их роста. Это дало одну из возможностей быстро решать эстетические задачи, на решение которых раньше потребовалось бы не одно десятилетие.

Несомненный интерес представляет и четко выразившийся в те годы обратный процесс, связанный с первыми переводами произведений карачаевской литературы на русский язык. Речь идет о переводах отдельных стихотворений И. Каракотова («Кавказ», «Песня батрака»), А. Биджиева («Зима», «Плачет лес»), У. Алиева («Кавказ»), М. Урусова песни «Бийнегер» и других. В 1934 году Дзахо Гатуев составляет и издает в Москве сборник «Поэзия горцев Кавказа» на русском языке, в который вошли стихотворения А. Биджиева «Зима», «Колыбельная», «Пастухи», И. Каракотова «Кавказ», «Невестка» в переводах П. Антокольского и О. Колычева.

В 1939 году в Ворошиловске (ныне Ставрополь) вышел в свет на русском языке «Литературный сборник»<sup>1</sup>, в него вошли стихи К. Кочкарова, И. Семенова, М. Урусова, О. Хубиева и рассказы А. Малышева, О. Хубиева и других – всего 22 автора. Сборник открывается отрывком из повести О. Хубиева «Абрек» «Ветер над горами» (перевод с карачаевского В. Торопецкого). В нем описана встреча абрека Азрета после долгой разлуки с любимой девушкой Нурсият и ее подругой Мариям. Отрывок звучит как самостоятельный рассказ. Это один из первых переводов на русский язык карачаевской прозы.

В сборнике представлен рассказ «Клад» (1939) русского писателя Алексея Малышева, написанного на карачаевском материале. Автору удалось через символический

---

<sup>1</sup> Литературный сборник. – Ворошиловск, 1939.

образ клада композиционно связать воедино сюжетные линии, дать выразительные портреты, изобразить картины пейзажа. Конечно же, на произведении лежит отпечаток своего времени и в проблематике, и манере изложения.

Центральное место в сборнике занимают песни и стихи народных поэтов Карачая Касбота Кочкарова и Исмаила Семенова. Здесь помещены стихи К.Кочкарова «Ленин», «Песня о Сталине», «Моя Родина» (переводы В. Торопецкого). Два стихотворения сложены в стиле хвалебных посвящений вождям страны. Трудно сейчас определить, соответствуют ли они оригиналам или руку приложил переводчик, чтобы стихи «осовременились», зазвучали в унисон политическим установкам. Другое дело, стихотворение «Моя Родина», которое написано с душевным подъемом. И. Семенов представлен двумя стихами: «Псов мерзкая стая», «Про радость народа пою» (переводы Г. Орловского). Первое повествует о злодейском убийстве С.М. Кирова и несет на себе отпечаток партийной позиции, другое построено по принципу противопоставления старого и нового. Здесь же помещены стихи Османа Хубиева «Могила партизана» в переводе В.Торопецкого.

В «Литературном сборнике» на русском языке впервые напечатаны три произведения карачаевского фольклора: сказка «Кто больше», переложенная В. Торопецким в стихотворную форму, старинная карачаевская песня «Ачемез», в его же переводе, и народная легенда «Бийнегер», переработанная М. Урусовым. В ней отражено народное представление о нравственных нормах, о необходимости охраны и защиты природы. В переводе сохранены описания, диалоги, выразительные средства языка.

С большой любовью пишут о людях горного края русскоязычные поэты В. Торопецкий и Г. Орловский. В стихотворении «Карачай» В. Торопецкий говорит о возрождении сел и городов. Подчеркнем, что русский поэт-переводчик Г.Орловский владел карачаевским языком в совершенстве. Завершая обзор «Литературного сборника», мы констатируем, что карачаевские авторы, опираясь на произведения родного фольклора, учась у русских литераторов, делают шаги к становлению своей литературы. Они знакомят с образца-

ми своих произведений широкий круг русскоязычных читателей. Об этом свидетельствует данное переводческое издание – отрадное явление на пути развития молодой карачаевской литературы.

В 1940 году был опубликован сборник произведений К. Кочкарова и И.Семенова «Стихи и песни». Составителем и переводчиком был Эфенди Капиев. «Художественный перевод, – писал Г. Гачечиладзе, – сближает народы, и в то же время он утверждает культурную самостоятельность и национальное своеобразие их литератур»<sup>1</sup>. Благодаря русскому переводу народы страны услышали произведения карачаевских поэтов. Перевод выступает средством идейно-художественного взаимообогащения литератур и имеет важное значение. Сближение литератур, «встречное течение» открывает путь для взаимообмена эстетическими ценностями, для обогащения творческими идеями и развитие русско-карачаевских связей.

Формы взаимодействия литератур многообразны. Среди них – и двуязычие. 20-30-е годы XX века стали годами становления русско-карачаевского двуязычия. В силу обстоятельств отдельные национальные писатели становились двуязычными. Это было новой особенностью взаимодействия и сближения литератур. Писатели жили между двумя языками: родным и русским. Двуязычие сыграло определенную роль в изменении национального облика литератур. Национальное своеобразие сохраняется и тогда, когда создается произведение на другом языке. Проблема «двуязычия» чрезвычайно сложна. Она очень существенна не только в сфере художественной литературы, но и во всех областях бытия, культурного общения, хозяйственной жизни...»<sup>2</sup>. Сошлемся в этой связи на А. Биджиева, М.Уурсова, стоящих у истоков зарождения двуязычия. М. Уурсов – двуязычный поэт и переводчик. Он переводил как с русского на карачаевский, так и с карачаевского на русский.

---

<sup>1</sup> Гачечиладзе Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. – М., 1972. – С.98.

<sup>2</sup> Щербина В.Р. Проблемы советской литературы и мировой художественный процесс. – С.37.



**Асхат Басиятович Биджиев** (1890-1958) вступил в литературу в начале 20-х годов. Он один из авторов, кто не подвергся агитационно-декларативному течению в литературе. Его перу принадлежат стихи гражданской и пейзажной лирики. Теме труда посвящает стихотворение «Братья», любовью к «материнскому» слову пронизаны стихи «Родной язык». Образны его стихотворения о временах года: «Осень», «Буря», «Зима», «Весна», стихи для детей «Солнце», «Колыбельная», «Муравьи», «Пчела» и

другие. В 1926 г. А. Биджиев публикует книгу для чтения «Билим» («Знание»).

Школой мастерства для А. Биджиева был перевод. Напомню, что он уже в 1928 г. опубликовал на карачаевском языке главы из лермонтовского «Демона», в 1935-м – горьковские «Песню о Соколе» и «Песню о Буревестнике», в 1937-м – пушкинскую прозу «Капитанская дочка» и другие, обращался к переводу басен И. Крылова. Асхат Биджиев переводил и с карачаевского на русский. А. Биджиев имел разносторонний талант. Он окончил Московский мединститут, позже стал кандидатом медицинских наук, был учеником известного хирурга Н. Бурденко, затем работал главным врачом карачаевской областной больницы. В расцвете сил, в 1937 году, был безвинно репрессирован и около 16 лет находился в заключении. Был реабилитирован, вернулся с подорванным здоровьем к семье в Москву, где скончался в 1958 году, не завершив начатые рукописи. Переводы А. Биджиева остаются образцом для последующих поколений писателей.

Непосредственные контакты русских писателей с представителями национальных литератур сыграли значительную роль. Такие контакты были взаимно плодотворными и весьма полезными. Если русским писателям они под-



## Глава вторая. ПОЭЗИЯ

### 1. Народные певцы Карачая К. Кочкаров, А. Джанибеков, И. Семенов

Характерной особенностью карачаевской литературы, как, впрочем, и ряда других литератур Северного Кавказа, является приоритет поэзии. Переходным этапом от фольклора к индивидуальному творчеству стало творчество народных певцов. Устное бытование их произведений (как в силу неграмотности певцов, так и бесписьменности народа в целом) искупалось яркой творческой индивидуальностью.

Академик А.Н. Веселовский в «Исторической поэтике», проследившая эволюцию фольклора, отмечает возникновение «института певцов» как явления, присущего определенному периоду развития устно-поэтических жанров. Народные певцы приносили фольклорные мотивы и краски в литературу. В стихотворениях и песнях балкарца Кязима Мечиева, кабардинца Бекмурзы Пачева, выросших на почве национального фольклора, звучали ноты воспрянувшего «духа свободы». Из карачаевских песнопевцев наиболее популярны имена Касбота Кочкарова, Аппы Джанибекова, позже — Исмаила Семенова.

Начало поэзии было связано с именем старейшины на-



родных поэтов **Касботом Кочкаровым** (1834-1940), соединившим два века. Ему судьбой было даровано долголетие жизни (106 лет) и творчества, составившего целую эпоху в духовной жизни народа. Не случайно А. Суюнчев свою статью о К. Кочкарове назвал «Песня длиною в сто лет». Первые публикации о Кочкарове относятся к началу XX столетия. Об одной из встреч с ним в 1907 году В. Шуровский писал: «Вскоре вернулся

Солтан-Мурат. Он привел с собой лучшего певца Карачая Касбота Кочкарова. Он, человек выразительного слова, говорил быстро, речь его казалась значимой и красивой, потому что его выступление слушали очень внимательно»<sup>1</sup>.

Касбот был сыном безземельного крестьянина, неграмотным. Он почти всю жизнь провел в батрачестве – то пастухом, то табунщиком, работая по найму у разных богачей. От природы был щедро наделён даром слагать песни, обладал красивым голосом. Его произведения никто не записывал, лишь в 20-30-е годы его творчество получило письменное оформление. Появились первые публикации песенных текстов, а позже – статьи о нем.

Русский писатель Ю.Н. Либединский уделил большое внимание записи песен народного певца. Посетив Карачай в 1939 году, он познакомился с Касботом Кочкаровым. Позже в письме из Москвы Либединский требовал: «произвести запись на карачаевском языке всего творчества Касбота»<sup>2</sup>. В сборе и записи песен Кочкарова участвовали М. Урусов, М. Акбаев, Х. Бостанов, О. Хубиев, Г. Орловский. Ими была составлена рукопись песен, но она утеряна в годы войны<sup>3</sup>. В своей статье о Касботе Кочкарове Ю. Филонович в 1939 году писал: «У этого столетнего старца удивительная память. Он сложил печальные песни о прошедших на протяжении многих десятилетий тому назад событиях. В них он показал свою трудную жизнь. Касбот состарился в надежде на лучшее»<sup>4</sup>.

В переводе песен поэта на русский язык, а также в их издании принял участие Эфенди Капиев<sup>5</sup>, который писал: «Когда Касбот начал приобретать известность среди карачаевского народа, на него обратили внимание князья и баи. Они пытались подкупить певца и подчинить его творчество своим интересам. Но голос певца был неподкупен»<sup>6</sup>.

---

<sup>1</sup> Шуровский В. По Карачаю летом 1907 г. // Ежегодник рус. горно-общества, 1908. – С.27.

<sup>2</sup> Центральный госархив литературы. – ф.631. оп.6. ед. хр. 269.

<sup>3</sup> Ортабаева Р. У родника (о карачаево-балкарских народных певцах). – Черкесск, 1981. – С.98.

<sup>4</sup> Филонович Ю. Народный поэт Карачая Касбот Кочкаров // Литературная газета. – 1939. – 26 июля.

<sup>5</sup> Кочкаров К., Семенов И. Стихи и песни. – Пятигорск, 1940.

<sup>6</sup> Там же. – С.4.

В феврале 1939 года в Доме культуры города Микоян-Шахар проводилась вторая областная Олимпиада народных талантов Карачая. В составе Зеленчукского народного хора выступал с исполнением своей знаменитой песни «Айджаяк» («Лунолика») Касбот Кочкаров (сохранилась фотография). После выступления состоялась встреча народного поэта с писателями и литературным активом, где присутствовали Исса Каракотов, Даут Байкулов, Тохтар Борлаков, Махамет Урусов и другие. Встречу вел Хасан Бостанов.

Незадолго до смерти народного певца в альманахе «Карачай» были опубликованы его известные песни: «Айджаяк», «Дебош», «Стал я молодым» и другие, отразившие мировидение народа. Умер К. Кочкаров в декабре 1940 года и похоронен в родном ауле Уччулан. Певец Касбот Кочкаров был нравственным примером служения людям, «душой и совестью карачаевского народа». О творчестве Касбота Кочкарова писали в разные годы исследователи А. Караева, Л.Егорова, Е. Кабаченко, Р. Ортабаева, М. Хабичев, Н. Хубиев и другие<sup>1</sup>.

Отдельная самостоятельная книга поэта «Избранные (песни, стихи, поэмы)» вышла на родном языке в 1964 году<sup>2</sup>, в 2001 году была опубликована книга «Избранное», где представлены произведения поэта на карачаевском языке и в переводе на русский, статьи о его жизни и творчестве<sup>3</sup>.

Стихи и песни карачаевского поэта переводили на русский язык Ю. Филонович, В. Торопецкий, И. Сосновский, Г. Орловский, А. Суюнчев. Однако некоторые переводы сделаны вольно и неточно, имеются искажения оригинала. Многие произведения поэта нуждаются в более качественном

---

<sup>1</sup> Караева А. Очерк истории карачаевской литературы. – С.35; Егорова Л. Дороги дружбы. – С.49; Кабаченко Е. Касбот Кочкаров – народный поэт. – В кн.: Кочкаров К. Избранное. – Черкесск, 1964. – С.90-110; Ортабаева Р. Карачаево-балкарские народные песни. – Черкесск, 1977. – С.115; Ортабаева Р. У родника /о карачаево-балкарских народных песнях/. – Черкесск, 1981. – С.76-101; Хабичев М.А. Касбот Кочкаров – старейшина народных певцов. – Черкесск, 1986; Хубиев Н. Крылатое слово Касбота // Знамя Ленина. – 1983. – 11 августа.

<sup>2</sup> Кочкаров К. Избранные /песни, стихи, поэмы/. – Черкесск, 1964.

<sup>3</sup> Касбот. Избранное. Предисловие и составитель А.Суюнчев. – Карачаевск, 2001.

переводе. Следует отметить также, что опасения Ю. Либединского в 30-е годы о неправильных записях и редактировании произведений поэта были небеспочвенными: встречается множество слов, выражений, политических лозунгов, не свойственных мышлению поэта и певца, выросшего на народной почве. Ценность и оригинальность творений народных певцов – в сохранении самобытности их поэтического голоса. По всей вероятности, при записи из уст певцов их произведений, всё же допускались искажения или тогда остается считать, что народные певцы были подвержены влиянию агитационно-пропагандистской идеологии, так как в их фонде немало хвалебных произведений, незаслуженно прославлявших видных деятелей партии. Так, были опубликованы в «Альманахе» хвалебные стихотворения К. Кочкарова «Ленину», «Сталину», «Ворошилову», «60-летию Сталина».

И сегодня актуально высказывание критика Е. Кабаченко: «Современным фольклористам, литературоведам и текстологам предстоит еще немало сделать, чтобы собрать и записать песни Касбота как старые, так и новые...очистить от наносного... Соотношение исторического и художественного в творчестве К. Кочкарова, творившего на рубежах двух веков и двух эпох, имеет свои специфические особенности. Касбот Кочкаров – выразитель общенародных мыслей, чувств и стремлений, он образно и красочно воспевал дела и события своей эпохи»<sup>1</sup>.

До нас дошли такие дооктябрьские произведения К.Кочкарова, как «Хорасан», «Айджаяк», «Старые воины», «Дебош», «Батрачество», «Канамат» и другие. Сюжеты лирических поэм «Хорасан» и «Айджаяк» автобиографичны. Сам Кочкаров пас байские стада богача Коркмазова, а у них была дочь-красавица по имени Хорасан. Молодые полюбили друг друга, но девушку без ее согласия выдали замуж за байского сына. Из-за своей бедности поэт не смог осуществить мечту о семейном счастье, но образ этой обаятельной горянки он пронес через всю жизнь.

Поэма «Айджаяк» («Лунолика») – поэма о любви, она посвящена любимой женщине поэта – Айджаяк Копаевне

---

<sup>1</sup> Кабаченко Е.Т. Касбот Кочкаров – народный поэт. – В кн.: Кочкаров К. Избранные /песни, стихи, поэмы/. – С.106-108, 116.

Джуккаевой. Познакомившись с ней в ауле Сынты, певец начинает слагать ей любовные песни, которые затем «перелились» в поэму. Автор идеализирует женщину:

Айджаяк! Яркий, пестрый платок,  
Твою белую шею обвив,  
Всю тебя обращает в цветок  
И пьянит ароматом любви...

Мы живем у богатых людей,  
Отдаем им все силы свои  
И за это не видим нигде  
Ни заботы, ни ласк, ни любви.

Перевод Г. Орловского.

Их любовь стала известна в округе, вызывало удивление то, что он был намного старше ее. Вмешательство со стороны, пересуды не дали им возможности создать семейный союз. Это фактическая основа песни. В ней изображен «внутренний мир, душевное состояние певца... в процессе своего возникновения, изменения...»<sup>1</sup>. Айджаяк описана с такой любовью, что стала символом женской красоты и обаяния. Поэт изображает чистоту чувств, оставляя за любимой право на нравственный выбор, тем самым неся гуманистическую тенденцию. Лирическая поэма «Айджаяк», композиционно стройная, богатая по языку, стала самым популярным произведением поэта и вошла в золотой фонд карачаево-балкарской поэзии.

Много песен посвятил Касбот теме крестьянской жизни дореволюционного Карачая. В этих произведениях поэт показывает тяжелый труд пастухов и батраков, бичует скупых баев, выражает протест против социальной несправедливости («Баям», «Батрачество», «Живем, еле дышим» и другие). В стихотворении «Баям» он писал:

Бедных лишили хлеба и крова,  
Бедных лишили свободы и слова,  
Бедных сковали в стальные оковы,  
Но не насытились нашею кровью.

Перевод А. Суюнчева.

---

<sup>1</sup> Караева А. Гуманистические традиции в карачаево-балкарской устной поэзии // Роль фольклора в формировании духовной жизни народа. – Черкесск, 1986. – С. 47.

Несмотря на униженное положение крестьян, поэт не лишен оптимизма и верит в лучшую долю народа («За свободу»). В дореволюционном творчестве К. Кочкарова одно из ведущих мест заняла тема труда. Характерно стихотворение «В поле»:

Вот разбрезжил утренний рассвет,  
Посылая радостный привет.  
Над Эльбрусом катит солнце шар.  
Гонит ветер с луга белый шар.  
Облака поднялись в небеса,  
Бисером рассыпана роса.  
Блики солнца в блеске, звоне кос -  
Как прекрасен утром сенокос!

Перевод А. Суюнчева<sup>1</sup>.

Тема труда продолжает свое развитие в стихотворении «Батрачество». Баи, князя не раз пытались сделать Касбота певцом своего сословия, обещая улучшить его материальное положение, но «голос певца был неподкупен». Поэт был верен своей Музе и не изменил ей:

Богачи мне сулили свое серебро,  
Буйволицу, кинжал, коня-скакуна.  
Но свой голос я им не продал за добро  
И не пела для них моей скрипки струна.

Перевод А. Суюнчева.

Певец посвятил карачаевцам – участникам русско-турецкой войны 1877-1878 годов песни «Старые воины», «Дебош». Поэт переживает за те страдания и лишения, которые причиняют людям военные действия. Необычайно популярной стала в народе песня об абреке «Канамате», который был убит полицейскими. К. Кочкаров – автор ряда сатирических произведений («Бред», «Княжна Чийгота», «Алчному эфенди»), в которых изобличаются носители пережитков и человеческих пороков.

В песнях советского периода звучали новые темы. После революции поэт (он ее встретил 83-летним), под влиянием политических лозунгов и обещаний народу, посвящает ряд произведений видным деятелям партии и государства: «Ленину», «Ворошилову», прославляет строй («Колхозная

---

<sup>1</sup> Суюнчев А. Песня длиною в сто лет // Ленинское знамя. – 1984. – 5 октября.

жизнь» и другие). Певец пишет в русле времени. Наиболее удачными в этом цикле являются стихотворения «Родина», «Песня о Красной Армии», «Песня о Чкалове-джигите». Поэт славит Родину и преобразования в горном крае. Полны любви стихи «Кавказские горы», «Микоян-Шахар». Талантливый певец Касбот Кочкаров прожил долгую трудную жизнь и оставил богатое литературное наследие.



Одним из популярных народных певцов и неповторимым поэтом-сатириком был **Аппа Джанибеков (1864-1934)**, который в народе известен под псевдонимом **Калай улу**. Репертуар певца составляли исторические («Ачей улу Ачез», «Татаркан»), охотничьи («Апсаты», «Бийнегер»), обрядовые, сатирические народные песни и благопожелания. Но национальную славу он обрел своими импровизированными

сатирами на социально-классовые, житейские темы, направленные против «хозяев жизни», социальной несправедливости, человеческих пороков. Аппа напоминает древних бродячих певцов, которые не имели ни пристанища, ни жилища, ни семейного счастья, не думали о собственном благополучии, а посвящали свой дар служению народным идеалам.

Родившись в крестьянской семье, Аппа с юных лет видел и испытал все тяготы жизни пастуха. Он был высокий и статный, одевал горский костюм, имел единственного спутника – верхового коня, которого берег и холил. Аппа был прекрасным пропагандистом старинных песен, национальных традиций. Скитальческая жизнь давала ему сведения о событиях своего времени, о произволе, о несправедливостях. За свои дерзкие сатирические стихи, изобличающие насилие, сделки богачей, их лицемерие, горская администрация преследовала его. Он был три года в абреках, а потом по ложному обвинению его сослали в Сибирь. Аппа Джанибеков пробыл там четыре года, выполняя на рудни-

ках и шахтах самые тяжелые работы, но всё равно он продолжал сочинять свои сатирические памфлеты.

Повезли меня, согнули в четыре раза,  
Загнали как в могилу,  
Завязали мне рот,  
Вручили в руки железную тачку.  
Таскал я руду, копал уголь,  
Я выл как волк, потерявший  
Зимнюю шубу (шерсть).

*Подстрочный перевод.*

Поэт был освобожден по амнистии. После возвращения на родину Аппа снова обрел коня, и «возмутитель спокойствия» продолжал прежний образ жизни поэта-скитальца, гневного протестанта против существующего строя. Его сатирические памфлеты были направлены против наживы, жадности, несправедливости. Экспромты Джанибекова лаконичны и выразительны:

Очень щедр наш бай:  
Когда в его кош приезжает  
Одинокий гость, он встречает неохотно,  
А когда двое приезжих,  
Он режет блоху.

Как подчеркивает Р. Ортабаева: «Ирония, сарказм, сатирический перифраз, использование традиционного народного оборота в новом аспекте – все эти языковые приемы делали произведения Аппы выразительными и эффективными»<sup>1</sup>. У карачаевского сатирика много произведений, изображающих тунеядство, мещанство, неравноправие в семье, унижение женщины, а также в его текстах содержится много мудрых советов по воспитанию молодого поколения. Он – защитник кавказской атрибутики, одежды, борец за сохранение национальных обычаев в обществе и семье. Голос певца устремлен к просвещению и культуре.

Поэт не сложил ни одной песни во славу вождей партии и государства. Певец был одиноким, прожил в бедности, обитал, в основном, у сестры. Аппа Джанибеков умер на семидесятом году жизни в 1934 году и похоронен в ауле Кызыл

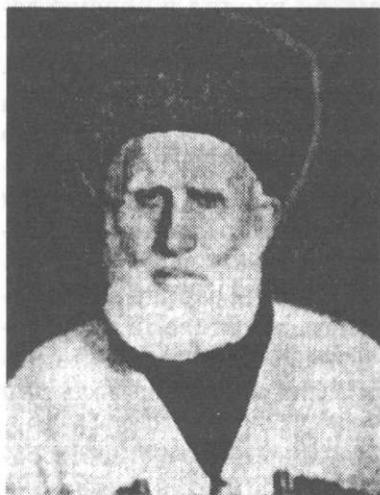
---

<sup>1</sup> Ортабаева Р. А.-К. Джырчы и духовная жизнь общества// Роль фольклора в формировании духовной жизни народа. – С. 78.

Покун Малого Карачая. Ко всему его творчеству и образу жизни могли быть эпиграфом его слова:

Был в голоде,  
Жил в холоде,  
Но голову свою  
Не унизил.

При жизни Аппы мало произведено записей его сочинений. К сожалению, нет и переводов на русский язык. Многие из творческого наследия знаменитого певца утеряно. Благодаря усилиям фольклористов Р. Ортабаевой, А. Биджиева издано наиболее полное собрание произведений Аппы Джанибекова<sup>1</sup>. Народные певцы Аппа Джанибеков и Касбот Кочкаров идут естественным путем движения формирующейся литературы. Фольклорная ориентация – это была важная тенденция развития национальной литературы, и она показывает, что национальный фольклор был «почвой и арсеналом» карачаевской литературы, особенно на этапе ее становления.



30-е годы знаменуют собой в карачаевской литературе расцвет творчества народного поэта Карачая **Исмаила Семенова (1891-1981)** – яркое явление в карачаевской литературе. Творческий путь народного поэта продолжался более полувека. За этот период им создано много песен, стихов, поэм. В книге на разных этапах развития карачаевской литературы рассматриваются разные этапы творчества И. Семенова. В данном разделе освещается первый период его поэтического творчества, когда

он уже был известен рядом стихотворений о родном крае, знаменитой песней «Эльбрус», но наибольшую популярность ему принесла его прекрасная поэма о любви «Актамак», став-

<sup>1</sup>Ортабаева Р.А.-К, Биджиев А.М. По следам Калай улу Аппы. /Песни, стихи, пародии, сатира, диалоги Аппы/. – Черкесск, 1995. – 190 с.

шая вершиной его творчества. Одними из первых обратили внимание на талант Семенова поэты И. Каракотов и А. Уртенов<sup>1</sup>. Стихи поэта и статьи о нем периодически печатались.

Он родился в одном из древних карачаевских аулов Учкулан, который считается хранителем национальных обычаев, нравов и традиций устного народного творчества. Исмаил Унухович Семенов рос в религиозной семье. Дед его и отец имели сан хаджи. Талантливый мальчик с ранних лет пристрастился к чтению Корана, религиозной восточной литературы и молитвенным напевам. Он учился довольно успешно в медресе (арабская начальная школа), дома с юных лет помогал по хозяйству.

В 30-е годы широко стали известны имена народных певцов и поэтов национальных республик и областей. Так, например, популярными стали дагестанские ашуги Гамзат Цадаса, Сулейман Стальский, казахский акын Джамбул Джабаев, адыги Бекмурза Пачев, Теучеж Цуг и другие. Исмаил Семенов не был исключением, он входил в первую десятку известных сказителей и поэтов страны.

Прав был А. Толстой, который писал: «Передовая русская культура никогда не знала высокомерного отношения к населяющим Россию народам. В ней никогда не было колониальных струн, колониальных мотивов»<sup>2</sup>. Эта заботливая традиция о национальных литературах, заложенная М. Горьким, была продолжена во второй половине 30-х годов и дальше. Правление Союза писателей и лично его руководитель А. Фадеев<sup>3</sup> проявляли большую заботу об Исмаиле Семенове, вызывали его в Москву, устраивали творческие встречи с ним. По его инициативе И. Семенов был принят в члены Союза писателей, ему была выделена большая библиотека книг.

В 30-е годы народному поэту силами общественности области был построен дом – в целях создания жилищно-бытовых условий для работников творческого труда. Стихот-

<sup>1</sup> Уртенов А. Исмаил Семенов // Кызыл Карачай. – 1933. – 3 марта.

<sup>2</sup> Толстой А. Четверть века советской литературы. – М., 1956. – С.32.

<sup>3</sup> Кагиева Н. Народный поэт Карачая // Ленинское знамя. – 1988. – 29 сентября.

ворение «Взгляд с высокого дома» посвящено действительному событию (оно было помещено в альманахе «Карачай», 1940). Хотя сравнения гиперболичны, в целом стихотворение отражает благодарность поэта за заботу о нем.

Поэт писал свои произведения на арабской графике, которую он знал. С участием Карачаевского НИИ истории, языка и литературы в записях было выпущено три книги И. Семенова на родном языке: «Песни», «Песни и частушки» и «Песни и стихи»<sup>1</sup>. Первая книга выпущена на латинице, редактировал ее поэт Д. Байкулов, остальные – на русской графике. Произведения поэта, включенные в эти сборники, принадлежат двум направлениям: «почвенная поэзия» и агитационно-декларативная риторика, навеянная политическими лозунгами первых лет советской власти.

Исмаил Семенов был признанным национальным певцом и поэтом, его песни стали народными еще при его жизни. В 20-е годы поэт обретает свой голос, пишет о том, что ему близко, знакомо и понятно. Это произведения о родном крае: «Эльбрус», «Горам», «Ташчи» и другие. Эльбрус в одноименном стихотворении воспет как высокий символ, гимн величию и красоте Кавказа. Уже с первых строк автор вводит читателя в удивительный мир:

Ты неба достигаешь высотой  
Среди соплеменных гор.  
На тебе блестят как стекло  
Пласты вечных ледников.

*Подстрочный перевод*<sup>2</sup>.

В описании горы поэт находит яркую метафору:

И летом и зимою  
Всегда ты в белой шубе,  
Ты очень чуток к ненастью,  
Склоны метелицей вешают.

Далее в тексте для изображения священной горы, растительного и животного мира автор использует сравнения и эпитеты. Чтобы ощутить сочетание красок, их гармонию или контраст, он приводит смелую антитезу:

<sup>1</sup> Семенов И. Песни. – Микоян-Шахар, 1937; Семенов И. Песни и частушки. – Микоян-Шахар, 1938; Семенов И. Песни и стихи. – Микоян-Шахар, 1939.

<sup>2</sup> Подстрочный перевод здесь и далее наш. – Т. Ч.

Какая гора может сравниться  
С тобой божеством, красотой:  
На вершинах – зима, на склонах – весна,  
У подошвы (подножья) – теплое лето.

А в заключение автор утверждает свою главную мысль – величие исполина в пространстве Земли. Автор достигает образности различными средствами: сравнениями (крик олень сравнивается со звоном колоколов, подножье горы с зеленым бархатом, голубое небо с тонким шелком, пласты вечных ледников со стеклом), метафорами (гора всегда в белой шубе) и т.д. Не случайно этот текст, переложенный на музыку автором, стал народной песней – гимном величии природы Кавказа.

Великолепно звучат такие стихотворения, как «Горам», «Ташчи», «Махарский нарзан», о красоте и зеленых богатствах горского края. Тема труда получила образное изображение в стихах «Песня пахаря», «Песня косаря», «Песни пчел» и других. Патриотические чувства выражены в стихотворениях «Красная Армия», «Песня призывника». Поэт выразительно показал бесправное положение бедняков-пастухов, их нужду в таких песнях, как «Батрачество» и др. В стихотворении «Соломенная шуба» автор образно называет истрепанную одежду пастуха-табунщика «соломенной шубой». В его лирике даны картины семейно-бытовых отношений, изображены национальные обряды и обычаи. Проникновенно написана песня «Мать», посвященная матери. Образ горянки, ограниченной в правах канонами мусульманского шариата, создан в песне «Невестка». Карачаевский автор посвятил слова признательности классикам русской литературы («Пушкину», «Максим Горький»), где высоко оценивает их литературное наследие, являющееся «примером служения народу и его просвещению».

Вершиной творчества Исмаила Семенова по праву считается его лиро-эпическая поэма о любви «Актамак», созданная на стыке фольклорной и литературно-художественных систем. Над ней он работал около 20 лет (1917-1937). Она посвящена красавице Анисат Ижаевой, ставшей потом женой поэта. Актамак – одно из поэтических имен, данных героине. Напомним, что часть поэмы была опубликована в первой книге поэта, во второй книге И. Семенова в 1938

году снова была напечатана часть поэмы (в количестве 420 строк). В связи с запрещением печататься по политическим мотивам, весь текст поэмы был издан гораздо позже. Наиболее полный текст данного произведения был записан из уст самого автора поэтом Азаматом Суюнчевым в 1962-1963 годах в г. Карачаевске<sup>1</sup>. Этот текст дополнен записями, произведенными сыном народного поэта Азретом Семеновым, и издан лишь в 1996 году<sup>2</sup>. В издание включено около 5000 стихотворных строк поэмы. Более объемного поэтического произведения карачаевская литература не знает. Поэма состоит из шести частей, каждая имеет название, части в свою очередь делятся на главы (их 30).

Как отмечает исследователь З. Караева, «...происходившее у карачаевцев полноценное многоуровневое вхождение в иной национальный мир, а через него и на мировую арену, вхождение в иную социально-экономическую структуру в 20-е годы, когда начинала создаваться поэма, создавало условия для формирования общего представления о себе, национального самоутверждения в условиях меняющихся социально-культурных связей»<sup>3</sup>.

Композиция достаточно своеобразна: поэма открывается вступлением, затем следует рассказ героя о себе и своей любимой, который сменяется описанием путешествия молодоженов на фаэтоне, оно связывает весь сюжет и охватывает пространство далеко за пределами Кавказа. Лирический герой приглашает свою возлюбленную объехать с ним Вселенную.

Садись, Актамак, на фаэтон,  
Словно яркое солнце блистая,  
Я же сяду слева от тебя,  
Словно красный князь из Руси.  
Садись, Актамак, на фаэтон,  
Словно душа, вырвавшаяся из сердца,  
Я же пойду слева от тебя,  
Подобно хану крымскому.

Подстрочный перевод Н. Кагиевой.

<sup>1</sup> Архив А. Суюнчева. Фонд И. Семенова, 1962-1963 гг.

<sup>2</sup> Семенов И. Актамак /Поэма // Эльбрус /Нальчик/. – 1996. – № 1. – С.1-224.

<sup>3</sup> Караева З. Художественный мир Исмаила Семенова. – С.72.

«Актамак» – это песнь высокой и чистой любви горца к своей возлюбленной. Назвав героиню в первой строке по имени, в дальнейшем прибегает к замене имени (табу имени близкого сохраняется и сейчас), каждое слово ласково характеризует ее качества. Для изображения красоты девушки автор нашел более сотни ласкательных имен, эпитетов, метафор и сравнений. Так, например, Актамак сравнивается с лучом солнца, ликом луны, белым облаком, цветением весенней алычи и т.д. Лирический герой приходит к убеждению, что нет равных его любимой ни по красоте, ни по воспитанию. Герой поэмы, совершив в своем воображении путешествие вместе с любимой на земле, в небесах, на морских просторах, возвращается в родной дом. Категория дома символична. Мир теперь видится ему по-новому через окно в комнате молодоженов. Поэт рисует свою «модель мира». Лирический герой мечтает в начале поэмы о совместной жизни с ней в одном доме – и вот, наконец, она в этом доме. Представив себя и свою любимую в начале поэмы как две половины одного целого, дальше они уже соединяются в одно целое, у них один мир. Они узнают друг друга, открывают мир вдвоем и через открытое окно сливаются с уже знакомым им миром.

Впервые в поэме возникает тема судьбы и авторская концепция: судьба – это определенное предначертание свыше, не зависящее от самого человека. Пятая часть «Смерть» служит подтверждением этого. Автор выводит смерть героини за рамки структурного построения. Глава «Плач» соответствует фольклорной форме – традиционному обрядовому плачу и выражает глубину национального сознания. Цельность мира разрушается через ее смерть, разламывается одна половинка, ставшая уже единым целым с другой, теперь нет дома, «сердцу места нет», нет гармонии с миром.

В поэме даны живописные картины природы, показаны национальные традиции и обычаи: уважение к старшим, к женщине, трудолюбие, гуманизм. Поэтично раскрыт образ дороги. Языковые средства в поэме образны, красочны, ярко индивидуальны. В тексте поэмы изобилуют оригинальные эпитеты, сравнения, метафоры и другие выразительные средства языка. Например: «В золотом окне моя сизая голубка», «Сияют как звезды мои глаза», «Мне бы желтым соколом очутиться на твоей белой груди» (желтый, волшебный, животворящий), «Я умираю

от жажды, ты безводной земли родник». Поэма насыщена символами, языческими божествами, мифологическими и исламскими мотивами и т.д. В произведении немало пословиц, поговорок, идеоматических выражений – почти весь арсенал художественного богатства народного языка.

К сожалению, поэма И. Семенова «Актамак» до сих пор не переведена на русский язык. Поэма великолепно исполнялась автором под им же написанную музыку и широко распространялась еще задолго до публикации. Трудно назвать более популярное лирическое произведение. Автор талантливо соединил в одном лице поэта, музыканта и певца.

В 1938 году в письме Эфенди Капиев писал: «...О карачевском сказителе и певце Исмаиле Семенове я слышал неоднократно... отрывки его песен интересны и свидетельствуют о ярком таланте их автора... Я готов оказать всемерную организационную помощь. Необходимо сейчас же, через ваш научно-исследовательский институт составить подстрочный (т.е. слово в слово, буквальный) перевод его стихов и песен на русский язык... Выбирайте смело и лирику, и эпос, старые, дореволюционные и новые вещи Исмаила. Ничего не нужно исправлять. Пусть они будут такие, какие есть, т.е. так, как он сам понимает, верит и любит, важна оригинальность этого, несомненно, нашего старика...»<sup>1</sup>. Э. Капиев в 1940 году издал на русском языке небольшую книгу К. Кочкарова и И. Семенова со своим предисловием<sup>2</sup>. Было издано 11 стихотворений И. Семенова в переводах С. Родова, Г. Орловского, В. Звягинцевой, В. Торопецкого и Э. Капиева. Следует отметить, что переводы, представленные в данном сборнике, желают лучшего. По всей вероятности, опасения Э. Капиева были не напрасны: подстрочники были неточные. В статье «Песни Карачая», помещенной в журнале «Огонек», писалось: «Спросите у школьников в Карачае, чью песню они распевают, и в ответ вы услышите – Исмаила Семенова. Послушайте на дорогах к высокогорным аулам, о чем поет едущий верхом колхозник, и зачастую вы узнаете строки из песен Исмаила Семенова»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Цит. по ст.: Кагиева Н. Народный поэт Карачая // Ленинское знамя. – 1988. – 29 сентября.

<sup>2</sup> Кочкаров К., Семенов И. Стихи и песни. – Пятигорск, 1940.

<sup>3</sup> Песни Карачая // Огонек. – М. – 1940. – № 3. – 10 мая. – С.21.

Здесь же публикуются стихи «Эльбрус», «Песня косаря», «Махарский родник» в переводе Семена Родова.

Наряду с произведениями, написанными на высоком уровне, поэтическое наследие И. Семенова включает и поэзию, созданную в русле времени, малохудожественную. Он тоже, как и другие литераторы-современники, оказался в течении идеологических догм, заданных временем, в особенности в 30-е годы (книги изданы в 1937-1939 годах). Многие произведения этих сборников носят печать рифмованной плакатно-агитационной риторики. Достаточно перечислить названия этих произведений: «Сталину», «Сталин и Ворошилов», «Товарищу Серго» (Орджоникидзе), «Ленину», «Октябрь», «В колхоз», «Весне третьей пятилетки», «О Конституции», «Партии», «Верховному Совету» и другие. В целом, в первый период своего творчества И. Семенов, опираясь на жизненный материал, создал ценные произведения, обогатил новыми приемами родную поэзию, внес жанровое разнообразие (песни, лирическая поэма).

Во второй половине 30-х годов, когда усилились в стране массовые репрессии, гонения на религию, поэт Исмаил Семенов – свидетель этих событий меняет свои политические взгляды, создает произведения антирежимного характера и выступает с критикой произвола («Песня о насилии», «Где революция?», «Печальная песня матери», «Скорбный день» и др.).

Появилось вперед двуличие,  
Справа его – ложь и обман,  
Доносы стали основой жизни,  
Правда не находит возможность выйти.  
Если это продолжится,  
Если властвовать будут предатели,  
Значит, народ, сдерживая гнев,  
Не напрасно спрашивает, для чего  
Свершилась революция?<sup>1</sup>

/«Для чего свершилась революция?»/

*Подстрочный перевод.*

Автор осуждает принуждение крестьян вступить в колхоз и с сарказмом бичует сборы налогов с крестьян; осуждает режим и главу государства:

---

<sup>1</sup> Здесь и далее цит. по кн.: Семенов И. Песни и стихи. Избранное. – М., 1992.

Подхалимам почетное место,  
Кто не славит его – в могилу.  
Душа дорога – я тоже славил,  
А теперь каюсь.

*Подстрочный перевод.*

Здесь начинает звучать мотив покаяния, вины. Прозрение ложится тяжелым грузом на поэта. И. Семенов в стихотворении «Печальная песня матери» заявляет: «с одной стороны – злоба, с другой – разорение» – в этих строках столько силы и скорби. В стихотворении «Скорбный день» автор сравнивает себя и народ с «птицей с опущенным крылом, попавшей в железную сеть». Он с горечью ощущает, что «нет надежды, правда погибла!...».

В этом цикле стихотворений, полном гнева, протеста и негодования, отражаются мучительные размышления поэта о правде жизни. Произведения такого содержания не могли быть напечатаны, и автор их оказался под негласным надзором властей на долгие годы, но произведения распространялись среди населения.

Яркая личность, трагизм судьбы и мировидение только недавно стали предметом научного изучения. Первое упоминание о И. Семенове мы находим в «Очерке истории карачаевской литературы» А. Караевой. В 80-90-е годы выходят статьи о И. Семенове<sup>1</sup>. В публикации З. Караевой «Художественный мир Исмаила Семенова»<sup>2</sup> на фактическом материале впервые монографически представлено творчество выдающегося карачаевского поэта.

Поэт Билял Лайпанов<sup>3</sup> говорит о И. Семенове как о правозащитнике и борце, не имевшем ошибок и противоречий. Он пишет: «...Мы здесь должны отметить большую разницу между Азретом Уртеновым и Исмаилом Семеновым.

---

<sup>1</sup> Кагиева Н. Народный поэт Карачая // Ленинское знамя. – 1989. – 29 сентября; Тепшеев А. Волшебный всадник Карачая // Коммунизмге жол /Нальчик/. – 1989. – 5 августа; Хубиев Н. Певец Эльбруса // День республики. – 1992. – 30 сентября; Чанкаева Т. Песни о главном /о поэзии И. Семенова // Алиевские чтения. – Карачаевск, 1996 и др.

<sup>2</sup> Караева З. Художественный мир Исмаила Семенова. – 214 с.

<sup>3</sup> Лайпанов Б.А. Карачаевская поэзия в 20-30-е годы. Исмаил Семенов и литературы народов Карачаево-Черкесии. Концепция художественного развития. – Черкесск, 1990.

Исмаил Семенов был народным поэтом, певцом своего народа, а Уртенев – партии. Азрет не мог противостоять. Взвзря на текущие события взглздом человека-труженика, Исмаил называл белое – белым, черное – черным. В том величии народного певца Исмаила. ...Чей голос раздавался о несправедливости, когда, сойдя с пути свободы, подавив НЭП, Сталин стал насильно загонять народ в колхоз? – Исмаила. Кто из писателей оказал сопротивление, когда клевали (репрессировали) лучших людей народа? – Исмаил»<sup>1</sup>. Неправоммерно, на наш взгляд, противопоставление двух видных карачаевских поэтов. Оба поэта при жизни высоко ценили творчество друг друга, дружили. У А. Уртенева большие заслуги в развитии карачаевской поэзии. Кроме того, И. Семенов, более чем другие карачаевские авторы в 30-е годы, был подвержен догмам партийного диктата: в свое время восхвалял Сталина, партию и существовавшую власть. Только при объективной оценке прошлого мы можем правильно показать пути развития литературы.

Современники высоко ценят творческое наследие народного поэта-песенника. Как сказала народный писатель Халимат Байрамукова: «Исмаил Семенов – эпоха в культурной жизни карачаевского народа»<sup>2</sup>. Можно с уверенностью сказать, что творчество Исмаила Семенова представляет собой вершину философского мышления и поэтического слова. Его поэзия стала выражением высочайшей духовности личности поэта и всего народа (как и любимый образ Исмаила Семенова – гора Эльбрус).

Автор работы, зная достаточно близко поэта Исмаила Семенова, неоднократно беседуя с ним, слыша его песни, лишний раз убеждалась, что он один из наиболее талантливых поэтов карачаевского народа, выразитель его богатой, многовековой духовной культуры. Несмотря на то, что произведения поэта пока мало доступны русскому читателю (его лучшие творения не переведены, к сожалению, на русский язык), Исмаил Семенов – явление в литературе Северного Кавказа.

<sup>1</sup> Лайпанов Б. Карачаевская поэзия: художественная сила и правда жизни. – В кн.: Семенов И. Песни и стихи. – М., 1992. – С.4, 26-27.

<sup>2</sup> Байрамукова Х. Именем Исмаила Семенова // День республики. – 1994. – 4 апреля.

## 2. Утверждение литературных традиций. Исса Каракотов. Азрет Уртенев. Даут Байкулов. Молодое поколение. Махамет Урусов

Исследователь З. Караева отмечает, что «творчество первых карачаевских поэтов и писателей, имея своим общим истоком миф и эпос, испытывая влияние мусульманского Востока, развивалось в рамках соотнесенных с этим культурным контекстом литературных стилей и направлений – религиозной и любовной поэзии – или соотносясь с ними и развивая их в русле национально-фольклорной традиции (К. Кочкаров, И. Семенов), или противостоя и отталкиваясь от них, в своей ориентации на русскую, советскую поэзию 20-х годов (А. Уртенев, И. Каракотов и др.)»<sup>1</sup>. Так закладывались основы советской карачаевской литературы.

Предпринималась попытка как в Карачае, так и на всем Северном Кавказе сохранить арабскую основу для алфавита. Художественная мысль масс стремилась же, для ускорения своего роста, опереться на традиции развитой и передовой культуры, которая была им «близка по характеру, по содержанию идейно-эстетического опыта»<sup>2</sup>. Влияние классики Востока испытали многие представители горской интеллигенции, пройдя «долгий, мучительный путь идейного и психологического перерождения»<sup>3</sup>. Среди них балкарский поэт С. Шахмурзаев, карачаевский А. Уртенев, кабардинский П. Шекихачев. Влияние восточной культуры испытали народный балкарский поэт К. Мечиев, основоположник кабардинской советской поэзии Али Шогенцуков и другие.

Ислам Хубиев в 1929 году в статье «Писатели и поэты Карачая» писал: «Учеба должна идти по линии ликвидации технической и политической неграмотности и по линии искания и нахождения лучших путей творчества на этих языках, в данном случае на карачаевском, и по линии серьезного и углубленного изучения русского языка и русских классиков»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Караева З. Художественный мир Исмаила Семенова. – С.10.

<sup>2</sup> Ломидзе Г. Введение // Социалистический реализм в литературах народов СССР. – М., 1962. – С.10.

<sup>3</sup> Карачайлы И. Когда немые заговорили // На подъеме. – 1928. – № 10. – С.57.

<sup>4</sup> Цит. по кн.: Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX вв. Избранное в 2-х т. – Т.2. – С.196.

Карачаевская поэзия уже на первом этапе характеризовалась жанровым многообразием: стихи, песни, поэмы. Расширяется круг переводов из русской классики. Карачаевские поэты шире понимают свои задачи, не случайно в их творчестве все большее место занимают общесоюзные темы. В лирике И. Каракотова, А. Уртенюва, Д. Байкулова, Х. Бостанова преобладали политические, гражданские мотивы. Поэты хотели рассказать о тяжелой жизни горцев-крестьян в прошлом, о революции, о колхозном строительстве – сказались общая политика. Были стихи, посвященные партийным вождям, имевшие агитационно-декларативное звучание. Немало места в произведениях занимала критика служителей мусульманского духовенства (поэмы А. Уртенюва «Эфенди и смерть», Д. Байкулова «Мариам и эфенди»). Борьба с социальной несправедливостью в семье и сословными пережитками отразилась в поэмах А. Уртенюва «Сафият», Д. Байкулова «Залихат».

Жанрово-тематическое разнообразие поэзии наглядно сказались в первом альманахе «Карачаевская советская художественная литература» (1936), отразившем развитие карачаевской поэзии за десять лет. В нем представлены первые карачаевские поэты И. Каракотов, А. Уртенюв, Д. Байкулов, А. Биджиев, А. Батчаев, Х. Бостанов, А. Боташева. «Молодая письменная литература горских народов Северного Кавказа первого послереволюционного десятилетия представляет собой довольно пеструю картину, – отмечает В.Б. Корзун. – Карачаевскую литературу характеризуют прежде всего многожанровая реалистическая драма и поэзия революционно-романтического содержания (И. Каракотов, А. Уртенюв)»<sup>1</sup>.

В связи с курсом политизации населения, в те годы очень мало написано стихов о любви. Сказались также и национальная особенность – сдержанность в изъяснении личных чувств. Не раскрытым в полной мере осталось лирическое дарование таких талантливых поэтов, как Исса Каракотов и Азрет Уртенюв. Однако взаимодействие с русской литературой сработало. Русская лирика способствовала появлению этой темы. Тема любви звучала в поэме А. Уртенюва «Пись-

---

<sup>1</sup> Корзун В.Б. Литература народов Северного Кавказа // История советской многонациональной литературы. Т.1. – М., 1970. – С.303.

мо Сюлемена к Сурат», особенно ярко воплотилась в поэме И. Семенова «Актамак». Появились в карачаевской поэзии эпические поэмы Д. Байкулова «Мариам и эфенди» (1932), «Шамай прежде и теперь» (1934), «Залихат» (1935). Пейзажная лирика И. Каракотова, А. Уртенова, А. Биджиева, М. Урусова о родной природе Кавказа обрела довольно красочный рисунок. Д. Байкулов создал литературные сказки: «Старик и медведь», «Кто больше», «Неродившийся мальчик» («Стихи и сказки», 1940).

В карачаевской поэзии утвердилось, как и у других тюркоязычных народов, в основном силлабическая система стихосложения, но были попытки внедрения «свободного стиха» и лесенки В. Маяковского. Нередко мы встречаем в творчестве А. Уртенова черты восточного стиха, как бейты. Но самое главное, карачаевская письменная поэзия сформировалась и обрела черты художественности. В этом большая заслуга поэтов старшего поколения. Наиболее полные тенденции развития карачаевской поэзии 20-30-х гг. представлены поэтами разных поколений: И. Каракотовым, А. Уртеповым, Д. Байкуловым, молодыми М. Урусовым, О. Хубиевым и др.



**Исса Заурбекович Каракотов** (1900-1942) – один из основоположников карачаевской советской поэзии. К творчеству И. Каракотова обращались литературоведы П. Балтин, А. Караева, Л. Егорова, Р. Касаева<sup>1</sup>. Поэт заложил основы карачаево-балкарского стихосложения и литературного языка. Как указала исследователь А. Караева, И. Каракотов употребил слово «назму» – арабское слово, обозначающее «стихотворство, стихи, поэзия». Впоследствии в

<sup>1</sup> Балтин П. «Революционные песни» И. Каракотова // Труды Карачаево-Черкесского госпединститута. – Нальчик, 1959. – С.259-278; Караева А.И. Очерк истории карачаевской литературы. – С.71-82; Егорова Л.П. Дороги дружбы. – С.43-48; Касаева Р. Певец мужества. – Черкесск, 1974.

карачаево-балкарском языке за этим словом утвердилось и бытует поныне значение «стихотворение». Будучи в Москве студентом Коммунистического университета трудящихся Востока (1921-1924), он увлекался творчеством М. Горького, В. Маяковского, С. Есенина.

Сборник его стихов «Новые песни» («Джангы шигирле»), вышедший в Москве в 1924 году, – первая печатная поэтическая книга на карачаево-балкарском языке (издан на арабском шрифте). Темы стихов, в основном, в заданных временем идеологических рамках 20-х годов: обличение дореволюционного прошлого, строительство новой жизни, овладение культурой, раскрепощение женщины-горянки. И. Каракотов в 30-е годы окончил Горский сельхозинститут, работал в Карачаевской автономной области на ответственных должностях, совмещая с литературным творчеством. Более ярко выражен его поэтический голос в сборнике «Революционные песни» (Кисловодск, 1931) – напечатан на латинице. Стихи отличаются искренностью, самобытностью, как, например, стихотворение «Кавказ» (1928) – восторженный гимн родине:

Гордый Кавказ, «Салам!» – говорю я тебе,  
Высоким прекрасным горам,  
На плечи которых стаями опускаются сизые тучи,  
Прилетающие в гости из далеких краев.  
Высокие горы повиты туманами –  
Прекрасные долины зеленым-зелены.

Вершины их изукрашены, как белый ковер,  
Сверкают, как только коснутся их солнца лучи;  
Румянится неба подол, касающийся гор,  
Обманчива близость его.

Подстрочный перевод А. Караевой.

Стихи И. Каракотова «Родной язык» – образец национальной поэзии. В них звучит искренняя любовь поэта к земле предков и родному языку. В «Литературной энциклопедии» 1931 года читаем: «В области переводной и оригинальной литературы выдвинулся Исса Каракотов, поэт и первый переводчик «Интернационала» на карачевский язык. Для работ этих и других авторов (среди которых следует отметить Ислама Карачайлы) характерен один момент: упорное искание самостоятельных форм, наиболее удобных

и приемлемых для творчества на карачаевском языке и для перевода с других языков на родной...»<sup>1</sup>.

Влияние русской поэзии на И. Каракотова впервые было отмечено критиком П. Балтиным<sup>2</sup>. Стихи поэтов Пролеткульта и «Кузницы» были близки ранней карачаевской поэзии своей патетикой, символичностью, абстрактностью, схематизмом. Недаром рисунок на обложке книги И. Каракотова «Революционные песни» повторяет оформление журнала «Кузница». А. Караева подчеркивает, что «его творчество отмечено чертами революционного романтизма. Здесь явно ощущается влияние русской поэзии 20-х годов (Э. Багрицкого, Н.Асеева, С. Есенина и других)»<sup>3</sup>. Постепенно поэт обретает свое «лицо», свою творческую манеру. Как, например, в стихотворении «Дар свободы», написанном по поводу торжественного открытия нового города Микоян-Шахар.

В вышеупомянутом альманахе 1936 года помещен цикл стихотворений И. Каракотова «Кавказ», «Свершить в каждой стране», «Водрузится в каждом государстве», «Плыву в мире мыслей», «Дар свободы», «Ты победил», «Не забудем» и «Сельмаш». Все стихи взяты из второго сборника поэта «Революционные песни». Особо выделяется в подборке уже названное стихотворение поэта о родном крае «Кавказ». Трудовому энтузиазму рабочих Ростовского завода посвящены стихи «Сельмаш», просветителю-революционеру С. Халилову («Не забудем»). В них отражается яркий талант автора, образен язык. Любимыми размерами стиха являются 7- и 11-сложники. В духе времени воспевал поэт идеи и декларации о революции и ее вожде. На ранних этапах становления новописьменной литературы делается «попытка творческого, художественного осмысления политического как эстетического»<sup>4</sup>. Эти слова З. Толгурова в полной мере можно отнести и к творчеству карачаевских поэтов 20-30-х годов.

Эпическая тенденция в творчестве И. Каракотова нашла дальнейшее развитие в поэме «Бай и батрак», в основу кото-

<sup>1</sup> Карачаевская литература // Литературная энциклопедия. Т.5. – С.118-119.

<sup>2</sup> Балтин П. Революционные песни Иссы Каракотова. – С.216.

<sup>3</sup> Караева А. Очерк истории карачаевской литературы. – С.79.

<sup>4</sup> Толгуров З.Х. В контексте духовной общности. /Проблемы развития литератур народов Северного Кавказа/. – Нальчик, 1991. – С. 130.

рой положены подлинные события – батрак был убит хозяином, пожалевшим выдать пастуху заработок после пятилетнего батрачества. В поэме – эмоциональное восприятие рассказчиком событий. Характеры раскрываются в прямой и косвенной речи авторскими комментариями, хорошо выписаны диалоги героев. Построение образов явно полярно: добрый труженик и жестокий кулак. Видимая декларативность, присутствующая в его предшествующих стихах, отступает на задний план. Здесь мы наблюдаем движение от лирики, малых лирических жанров к более крупной форме – поэме. В его лексике объединились социально-политическая терминология и народная фразеология. Фольклорные мотивы в поэтике И. Каракотова вплетаются плавно и естественно, непринужденно. И. Каракотов стал зачинателем пейзажной лирики, революционной песни, лирико-драматической поэмы.

Из произведений И. Каракотова на русский язык переведено очень мало: «Песня батрака» (пер. Г. Кац), «Невеста» (пер. П. Антокольского), «Кавказ» (пер. О. Колычева)<sup>1</sup>. И. Каракотов – один из первых переводчиков произведений великих русских поэтов на карачаевский язык. Им переведены стихи «Узник», «Туча» и отрывки из поэмы «Цыганы» А.С. Пушкина, «На смерть поэта» и «Желание» М.Ю. Лермонтова. Переводы отличаются мастерством и выразительностью.

Большое влияние оказала поэзия И. Каракотова на поэтов-современников и последующие поколения горских литераторов. В этом отношении характерно высказывание К. Кулиева: «Первым русским стихотворением, прочитанным мной в детстве, был «Узник» Пушкина в переводе карачаевского поэта Иссы Каракотова. Я теперь не вижу этого перевода. Но тогда он мне казался чудом, обворожил меня своей красотой. Во-вторых, ни одно произведение родной литературы, исключая Кязима Мечиева, не открыло мне мою родину с такой силой, не доставило мне такой радости, как стихотворение Иссы Каракотова «Кавказ»: это действительно выдающееся произведение, покоряющее красотой языка

<sup>1</sup> Каракотов И. Песня батрака /Пер. Г. Кац // На подъеме. – 1929. – № 7. – С.39; И. Каракотов. Кавказ /Пер. О. Колычева/. – В кн.: В краю степей и гор. – М., 1964. – С.7.

и образностью. Эта вещь сыграла большую роль в моей работе»<sup>1</sup>.

Когда началась Великая Отечественная война с фашизмом, Каракотов в первый же год ушел добровольцем в Кавалерийский корпус генерала Доватора, защищал Москву, героически погиб в боях под Смоленском осенью 1942 года. В заключение очерка о карачаевском поэте приведем высказывание критика Н. Байрамуковой: «Иссе Каракотову принадлежит самое почетное место в бесписьменной национальной литературе, ибо его вклад равносителен построению крепости в пустыне, не имевшей ни камня, ни леса. О заслугах человека в основном надо судить не по словам его, а по его поступкам и шагам. Такими шагами являются у Иссе день создания «Кавказа» и день героической смерти на поле боя. Первый – один из ярких дней поэта, второй – печальный. Но они очень схожи между собой: в одном – глубокая радость за светлый мир Родины, широта и крылатость, а в другом – ценою жизни защита ее»<sup>2</sup>.

Поэзия И. Каракотова отличается эмоциональной насыщенностью, непосредственностью, вместе с тем политизированностью. В его стихах естественность и простота, патетика и живописность. Поэтика И. Каракотова тесно связана с традициями карачаево-балкарского фольклора.



Зачинателем карачаевской поэзии был **Азрет Локманович Уртенев** (1907-1955) – поэт, переводчик, собиратель фольклора, творческий путь которого был недолгим (в тридцатилетнем возрасте он был репрессирован). Карачаевское литературоведение нельзя упрекнуть в невнимании к творчеству А. Уртенева: очерк П.И. Балтина «Вехи творческого пути Азрета Уртенева» (1961), раздел в книгах А.И. Карачаевой

<sup>1</sup> Кулиев К. Так растет и дерево. – М., 1975.

<sup>2</sup> Байрамукова Н. Долголетие // Ленинни байрагы. – 1970. – 24 октября.

«Становление карачаевской литературы» и «Очерк истории карачаевской литературы», монография Р.А.-К. Ортабаевой «Азрет Уртенев» (1971). Эти исследования дали анализ творчества и представляют значительный интерес. Мы же дадим общую оценку творчества А. Уртенева, обозначим его роль в эволюции карачаевской литературы.

Поэт получил образование в педтехникуме в г. Симферополе и работал в редакции областной газеты. Азрет Уртенев занимал в карачаевской литературе 20-30-х годов положение ведущего поэта. Отправляясь от фольклорных форм, он обогатил жанровые возможности карачаевской поэзии, выступил новатором в области стихосложения. Как заметила А.И. Караева, раннее творчество А. Уртенева развивалось «в привычных нормах восточной поэзии».

«За последние годы выдвинулся А. Уртенев, – писал Ислам Хубиев в 1929 году в статье «Писатели и поэты Карачая», – автор не лишен дарования, но ему надо прочно усвоить мысль о необходимости освобождения от арабского влияния и серьезной учебы, не прекращая работы над карачаевской поэзией»<sup>1</sup>.

В своем первом сборнике «Новые песни» (1927) Азрет Уртенев изображает жизнь родного народа, пишет о его прошлом («Карачаевец»), о красоте природы («Кавказские горы»). Фольклорные традиции сказались в построении, в поэтике стихотворений «Охотники», «Думы отца и матери». Главной темой была тема революции, автор воспевает ее исторические завоевания («Был Октябрьский праздник»), ее благотворное влияние, когда «слепые стали видеть», «немые стали говорить» («Теперь и мы посмеемся»), силу армии («Красная армия»), рассказывает о судьбе дореволюционной женщины («Слово женщины Востока»). Стихи сборника «Новые песни» были наполнены революционным пафосом, гражданственностью, острой социальностью. Вместе с тем, первым стихам поэта не хватало полноты изображения, широты охвата жизни, они были больше описательными, декларативными. Талантливость поэта ощутима в ритмике стиха, новой строфике. Наиболее излюбленной стро-

---

<sup>1</sup> Карачайлы И. Писатели и поэты Карачая // На подъеме. – 1929. – № 2. – С.72.

фой были бейты. Он творчески подходит к национальному литературному языку, обильно включает арабизмы и фарсизмы. В первом сборнике уже намечается стремление к жанровому разнообразию (поэма «Сон кузнеца»).

Во втором сборнике А. Уртенова – «Искры свободы» (1929) намечается тенденция к эпичности, усилению повествовательной струи, поиску новых приемов художественной изобразительности. О тяжелом прошлом народа говорится в стихотворениях «Старое время», «Эльбрусу». В стихах «Кавказские горы» (из первого сборника) и «Эльбрусу» можно пронаблюдать динамику в описании: в первом – картины кавказской природы даны чисто эмоционально, во втором – проступает социальная окраска и Эльбрус изображен символически, в образе седовласого старца – свидетеля многовековых страданий, унижений народа. Национальный колорит ощутим в описании традиционного обряда карачаевской свадьбы («Карачаевский той»). В стихотворении «Родной язык» ярко отражена оригинальная образность – сравнение «прошлого» родного языка, когда он «тускнел», «ржавел» и «покрывался плесенью», и настоящего, когда он может развиваться, стал языком книг, газет.

Разнообразие форм стиха Уртенова достигается созданием стихотворений-посланий, где включаются задушевные разговорные интонации («Бедняку», «Письмо сестренке-горянке»), выдержанных в одном ключе. Послание же «Растрезанному батраку» – в ином, гневно-обличительном тоне. Второй сборник поэта свидетельствовал о поисках новых средств поэтики.

В третьем сборнике А. Уртенова «Песни и поэмы» (1934) четко проявилась жанрово-тематическая эволюция поэта. Здесь налицо многообразие жанров: стихи, песни и поэмы (жанр поэмы выделяется). Очевидно и тематическое разнообразие. Автор поднимает тему назначения поэта и поэзии в стихотворениях «Я начал», «Перу и тетради», «Жизни». В поэзии Уртенова звучат интонации гимна, марша, лозунга, что говорит о преимуществах русской пролетарской поэзии той поры. А особое место в сборнике занимает стихотворение «Железный век» – гимн поэта своему героическому времени. «Изображение героев революции, – писала А.И. Караева, – как «стальных», «железных» людей, представле-

ние об эпохе как о «железном», «стальном» веке было весьма распространенным и в поэзии, и в прозе 20-х годов»<sup>1</sup>.

Наш век – железный век,  
Мы железные богатыри века.  
Век вдохнул в нас стальную душу,  
Мы – стальные частицы века...  
Наш век – железный век,  
Этот век выше всех веков,  
Только в этот век мы увидели  
Железных людей.

Перевод П. Балтина.

В данной книге видно движение поэта к стихотворным циклам. Так, цикл «К новой колхозной жизни» включает почти десять стихотворений. Есть стихи маршевого характера («В колхоз»). Сюда вошли стихи «Мы растем», «Трудящимся колхозникам-животноводам». Новое время показано декларативно, напыщенно. В художественном плане очевидна перенасыщенность эпитетами, риторикой. Но, как положительное, надо отметить дальнейшую работу поэта по обновлению карачаевского стиха. Критиками П. Балтиным, А. Караевой, Р. Ортабаевой отмечено влияние поэтики Маяковского на Уртену, которое ощущается в лексике, ритмике и строфике.

Все эти поиски Уртену ярко выразились в его поэмах. Определение В. Белинским основного критерия поэмы как произведения, которое «схватывает жизнь в ее высших моментах»<sup>2</sup>, раскрывая «глубочайшие мирозерцания и нравственные вопросы современного человечества»<sup>3</sup>, сохраняет свою правоту и для настоящего времени. Наблюдается тяготение к объективно-достоверному, исторически конкретному воссозданию новой действительности. Усиливается интерес к поэмам с четко выраженным сюжетным развитием, конкретными коллизиями, реальными характерами. В поэме «Сафият» ставится проблема женщины, осуждаются условия, принижающие ее человеческое достоинство, догмы адата. В центре – судьба горянки. Сюжет построен по простой схеме: юность, замужество, бегство и самоубийство Сафият, но в сли-

<sup>1</sup> Караева А. Очерк истории карачаевской литературы. – С.90.

<sup>2</sup> Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в 13 т. – Т.7. – М., 1955. – С.401.

<sup>3</sup> Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в 13 т. – Т.6. – С.415.

янии лирического и эпического, нарастании конфликта, поднимающегося до трагедийного уровня, разнообразии изобразительных средств чувствуется уже зрелость художника. Время в поэме конкретизируется, действие относится к 1916 году. Реалистический характер поэмы отмечен еще П. Балтиным, А. Караевой. Мастерство сказывается и в изображении образной системы. Выразительны образы поэтичной Сафият, хищника Мекера. Облик героини рисуется в духе народной поэзии (брови изогнуты как луки, глаза как угли, лицо белое, как вата), мазками художника подчеркнута ее яркость (она подобна луне, добра и лучезарна). Она любит трудолюбивого парня Сюлемена, полна надежд, но все рушится. Ничто не может противостоять силе богатства, и Сафият насильно отдают замуж за Мекера. Драматична судьба горянки. Она протестует против продажи ее за калым, против жестокого отношения к ней мужа и его родственников и невыносимых условий жизни. Сафият не хочет жить с нелюбимым и оскорбляющим ее человеком, бежит в родной дом, но и там не находит себе пристанища, и тогда уже, отчаявшись, она бросается в бурную реку и погибает.

На некоторую схематичность указал в своей рецензии Х. Лайпанов<sup>1</sup>. Своеобразны сцены с ярко выраженным национальным колоритом: сватовство, танцы. «В этом произведении Уртенова, — отмечает А. Караева, — соединяются традиции карачаево-балкарского фольклора (лиро-эпичность, драматизация, использование традиционных форм лирических причитаний и песен, народная фразеология), традиции восточной поэзии (развернутые параллелизмы символического характера) и традиции пролетарской поэзии (агитационность, публицистическая острота)<sup>2</sup>. Язык поэмы образен. Автор использует монолог, диалог, включает сатиру, красноречивые народные выражения. Поэма «Сафият» — одно из лучших произведений карачаевской литературы. В литературах Северного Кавказа эта тематика была остроактуальной, об этом свидетельствует типологически близкая поэма кабардинского поэта Али Шогенцукова «Мадина».

<sup>1</sup> Лайпанов Х. Поэма о Сафият // Красный Карачай. — 1937. — 16 марта.

<sup>2</sup> Караева А.И. Карачаевская литература // История советской многонациональной литературы. — Т.2., кн. 2. — М., 1972. — С.157.

В поэме А. Уртеноева «Эфенди и смерть» рисуется образ эфенди в лице Наиба – лицемера, ханжи, символизирующего старый мир, и посланца Труда – символа нового. Автор прибегает к гротеску. Строка поэмы «Эфенди и смерть» распадается на несколько частей – это необычно для карачаевской поэзии. В лексике используются арабские слова, с помощью которых создается стилистическая тональность речи эфенди.

С поэмой Азрета Уртеноева «Письмо Сюлемена к Сурат» получает развитие любовная тема, ставится проблема раскрепощения женщины. Поэме присуща эпистолярная форма повествования. Автор использует различные поэтические приемы: повторы слов, лирические обращения по типу песен, единоначатия. Строфа состоит из восьми строк, строка – из трех слогов. Трех поэмам А. Уртеноева современники придавали большое значение, включив их в 1936 году в свой первый альманах.

А. Уртеноевым впервые собраны и изданы карачаевские юмористические рассказы о восточном мудреце Ходже Насреддине – 200 рассказов (Микоян-Шахар, 1931, 1936), а второе издание еще было дополнено и составляло около 400 рассказов. Данные произведения на карачаевском языке опубликованы и после смерти автора (Уртеноев А. Рассказы Насреддина. – Черкесск, 1987).

А. Уртеноев уделял большое внимание переводам из русской классики. Он успел опубликовать лишь три стихотворные сказки своего любимого поэта А.С. Пушкина: «Сказка о царе Солтане», «Сказка о попе и работника его Балде» и «Сказка о рыбаке и рыбке»<sup>1</sup>. Переводы отличаются близостью содержания к оригиналу и выразительностью языка.

Трагически сложилась судьба поэта. Репрессирован в 1937 году, когда ему было 30 лет. А. Уртеноев восемнадцать лет безвинно находился в заключении в Гулаге, после освобождения умер в пути при переходе на материк в 1955 году. После реабилитации поэта были переизданы его произведения<sup>2</sup>. Высокую оценку творческому наследию А. Уртеноева дают поэты-современники О.Хубиев и К. Кулиев. «Был ли

<sup>1</sup> Пушкин А.С. Сказки. Перевод А. Уртеноева. – Микоян-Шахар, 1937.

<sup>2</sup> Уртеноев А. Изданные произведения. Песни. Стихи. Поэмы. – Черкесск, 1959.

новатором, например, карачаевский поэт Азрет Уртенев? – ставил вопрос Кайсын Кулиев в одной из своих статей, вошедших в книгу «Так растет и дерево», и отвечал: Конечно. В чем, на мой взгляд, заключается его новаторство? Он по-своему выразил новые идеи сильно, горячо, темпераментно».

А. Уртенев использовал новые формы стихосложения, дробную поэтическую структуру, введенную Маяковским. А. Уртенев находился в поиске, талант в развитии, когда творческий путь был прерван, но то, чего он достиг за десять лет деятельности, легло в основу национальной поэзии. В стихах и поэмах А. Уртенева отражаются многие стороны жизни родного народа, глубина мироощущения. Произведения отличаются гуманизмом, яркостью. Карачаевским поэтам Иссе Каракотову и Азрету Уртеневу принадлежит особая роль: они заложили основы молодой национальной художественной литературы, тем самым выполнили свою огромную историческую миссию.



Одним из литераторов 30-х – начала 40-х годов был Даут Пагоевич Байкулов (1902-1942). Публицистика стала литературной школой для Д. Байкулова, он работал журналистом в газетах «Къызыл Карачай», «По ленинскому пути», некоторое время руководил Карачаевским Союзом писателей. Творчеству поэта посвятили разделы исследователи карачаевской литературы П. Балтин<sup>1</sup> и А. Караева<sup>2</sup>, которые дали достаточно подробный анализ его поэзии. Первая книга стихов Д. Байкулова на карачаевском языке «Песни новой жизни»<sup>3</sup> опубликована в 1931 году. Он вступил в литературу после И. Каракотова и А. Уртенева (у них уже было выпущено по два

<sup>1</sup> Балтин П. Творчество Даута Байкулова // Из истории карачаевской поэзии. – С. 48-84.

<sup>2</sup> Караева А. Очерк истории карачаевской литературы. – С. 109-124.

<sup>3</sup> Байкулов Д. Песни новой жизни. – Кисловодск, 1931.

сборника) и во многом повторяет тематику и даже виды строфики их произведений. На него сильно оказала влияние общественно-политическая обстановка 30-х годов, когда страна была охвачена задачами первой пятилетки, преобразованиями коллективизации. Немало стихотворений первого сборника посвящено революционным датам («Ко дню Парижской коммуны», «Кровавое воскресенье», «Первое мая», «Октябрю»). Как и предыдущие карачаевские авторы, Д. Байкулов продолжает тему агитации во вступление в колхозы («В колхоз», «Идем, друзья, в колхоз»). Почти все они носят отпечаток рекламной декларативности, но проскальзывают ноты мягкости, задушевности.

Тема коллективизации занимает большое место и во второй книге поэта «Песни»<sup>1</sup> (1935). Об этом говорят и названия его стихов: «Мы на пути социализма», «Пятилетнему плану» и др. Лирика сборника партийна и злободневна, чувствовалась газетная точность, официальность. Поэт посвящает стихи деятелям революции: «Без Ленина по ленинскому пути», «Солнце, которое я знаю» (о Сталине), «Орджоникидзе»: «Кирова нет». Появляется у него тема воспитания («Мы пионеры, пионеры», «К учебе»). Стихотворение «Мальчик-батрак и кулак» вызывает сочувствие у читателя. Поэт рассказывает о жизненном факте – беззащитном мальчике, который батрачил у бая, и тот, чтобы не заплатить ему, убил его. Эту тему Д. Байкулов ранее воплотил и в эпическую форму (рассказ «Жизнь Бекмурзы», 1931), но финалы разрешаются в разном ключе. П. Балтин верно заметил, что «творческий путь Д. Байкулова определяется не сменой творческих принципов, не эволюцией, а переходом от одной тематики к другой, овладением новыми жанрами, накоплением новых произведений»<sup>2</sup>.

Об этом свидетельствует следующая книга поэта «Стихи и сказки» (1940)<sup>3</sup>. Значительное место занимают в ней патристические мотивы. Стихи наполнены гордостью за свою страну, в которой рождаются герои («Чкалову», «Героям Хасана», «Счастливая молодежь»). Тема интернациональной

---

<sup>1</sup> Байкулов Д. Песни. – Микоян-Шахар, 1935.

<sup>2</sup> Балтин П. Творчество Даута Байкулова. – С. 54.

<sup>3</sup> Байкулов Д. Стихи и сказки. – Микоян-Шахар, 1940.

солидарности звучит в стихотворении «Испанская девочка», где ощутимо предчувствие военной грозы. Хотя его поэзия была актуальна, но ее уровень снижает газетная риторика. Более удачными являются стихи поэта о родной природе, так, например, цикл «Четыре времени года», где автор лирично выражает свои переживания, отталкиваясь от собственных наблюдений. Стихи прозрачны, наполнены чувствами.

Постепенно освобождаясь от политических лозунгов, Д. Байкулов создает одно из своих лучших произведений – «Песня девушки-горянки». Стихотворение наполнено символами: замужество – могила, слезы – сопутствие горю, туман – жизнь женщины в прошлом, и на смену этой – другая жизнь, полная солнечного света и таяния ледников. Простота, метафоричность, мелодичность стиха делают произведение понятным и близким читателю.

Главными произведениями в творчестве Д. Байкулова стали его поэмы эпического содержания. Прежде всего, следует отметить его крупную поэму «Шамай прежде и теперь»<sup>1</sup>. Здесь описана трудная жизнь батрака Шамая до революции. Вследствие тяжелой жизни пастух потерял работоспособность, заболел и был изгнан хозяином. Он вынужден отдать в батраки сына-подростка за гроши. Молодой пастух погибает (его раздирают волки). Это вызывает в селе протест крестьян, они мстят хозяину дома – поджигают усадьбу. Наступает революция. Шамай – участник гражданской войны, а позже вступает в колхоз, где обретает достойную жизнь. Поэма построена по принципу противопоставления нового времени дореволюционной жизни и страдает заранее программированным содержанием.

Поэма Д. Байкулова «Мариам и эфенди» посвящена изобличению мздоимства и вымогательства служителей мусульманской мечети. Идя на поводу шарлатана-эфенди, лечившего героиню, а потом отправляющего похоронный обряд, разоряется хозяйство бедной семьи. Качество произведения снижает прямолинейность показа героев-страдальцев. Безволие и пассивность персонажей имеет место и в поэме Д. Байкулова «Залихат»<sup>2</sup>. Но уже здесь в центре повествования поставле-

<sup>1</sup> Байкулов Д. Шамай прежде и теперь. – Кисловодск, 1934.

<sup>2</sup> Байкулов Д. Залихат. – Кисловодск, 1935.

но сословное деление. Девушка из бывших крепостных (кзул) и парень из более привилегированного сословия (узденя) полюбили друг друга. Родители жениха категорически против невесты «черной кости». Юноша не борется за свое счастье, не защищает ее от нападок. Залихат, доведенная до отчаяния, бросается со скалы и погибает. Как утверждают критики П. Балтин и А. Караева, намерение автора не получило полнокровного изображения характеров.

В последней книге поэта «Стихи и сказки» помещены четыре народные сказки, переложенные на стихи Д. Байкуловым: «Медведь и старик», «Неродившийся мальчик», «Судья и батрак», «Кто больше?». Сюжеты их почти одинаковы с текстами этих сказок, опубликованных НИИ в сборнике «Карачаевский фольклор»<sup>1</sup>. Литературные сказки автора выразительны, лиричны по содержанию и форме. Даут Байкулов занимался переводом с русского на карачаевский язык. В 30-е и начале 40-х годов перевел совместно с М. Урусовым произведения А. Пушкина «К Чаадаеву», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Сестра и братья», «Соловей», «Татарская песня», «Бахчисарайский фонтан», «Братья-разбойники». Известно и несколько его переводов из М. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...», «Беглец» (с Саттаром Арифуллиным).

В начале Отечественной войны Д. Байкулов написал цикл стихотворений большого патриотического накала. Стихи эти опубликованы перед уходом поэта на фронт в книге «Вперед, за Родину!». Поэт добровольно ушел на фронт и героически погиб на подступах к Нальчику осенью 1942 г. Творчество Д. Байкулова – своеобразный вклад в эволюцию карачаевской художественной литературы.

В карачаевской литературе появились новые имена: Хасан Бостанов (сб. «Песни по-новому» – 1931, «Новому поколению» – 1932, «Песни и стихи» – 1940); Абдул-Керим Байкулов (сб. «Счастливой жизни», 1940). В конце 30-х годов с первыми произведениями выступили молодые поэты: Осман Хубиев («Комсомольские песни», 1936), Тохтар Борлаков («Счастливая молодость», 1939), Махамет Урусов («Песни», 1939), свои стихи и переводы публикует Х. Байрамукова.

---

<sup>1</sup> Карачаевский фольклор. – Микоян-Шахар, 1940.

О. Хубиев вступил в поэзию в 1934 г., остро ощущая действительность. Для ранних стихов характерно песенное начало, четкий боевой ритм. О. Хубиев берется за острую гражданскую тематику. Поэта привлекает романтика борьбы, неистовство. Его поэма «Могила партизана» (1939) передает авторскую мысль о бесценности человеческой жизни. Стихотворение «Крылья в кровавый день» (1939) вносит патриотические интонации, передает динамику времени. В 40-м году была издана эпическая поэма «Темирболат» Али-Солтан Кочкарова. Это были первые шаги в поэзии, поиски своей тропы.

Представитель молодого поколения поэтов **Махамет Аубекирович Урусов** (1916-1942) –



поэт и переводчик. Он заявил о себе как подлинный патриот в своей первой и последней поэтической книге «Песни» («Джырла»)<sup>1</sup>, поразившей читателей искренностью и образностью. Основная тематика стихов – любовь к родине и родному краю, защита отечества.

М. Урусов – двуязычный поэт. Ряд стихов написан на русском языке. В центре внимания автора немало тем. В стихах «Новой жизни», «Карачай», «Микоян-Шахар» поэт изображает обновление родного края. М. Урусов пишет о земляках, вовлеченных в созидательный труд, о живописной природе гор и долин, озер и рек родного края. Пейзаж и труд у него слиты в единое целое. В этом отношении характерно произведение «Озеро Хурла-кель», в котором даны яркие картины родной природы и быта животноводов.

Значительное место в сборнике М. Урусова занимает тема обороны Родины, эти идеи особенно остро выражены в стихотворениях «Красноармейская песня», «Мой гнедой конь», «Стальной клинок». Следует отметить, что здесь, очевидно, сказались и личный опыт сельского пастушка, и учеба поэта в сельхозтехникуме (он учился в Первомайском зоовет-

<sup>1</sup> Урусов М. Песни. – Микоян-Шахар, 1939.

техникуме). Его увлеченность фольклорными героическими образами помогла ему создать поэтические шедевры.

Стихотворение «Стальной клинок» строится в форме символического обращения к клинку. В карачаевских народных сказках меч наделяется чудесными свойствами: удлиняться при ударе, рассекать камни и т.д. В отличие от сказочного меча клинок красноармейца не обладает волшебной силой, но сабля в руках воина является надежным оружием, символом стойкости бойца в грозных испытаниях: «клинок свертывается как змей», «блестит словно радуга», «высекает огненные кольца» и др. Так же, как и предыдущее стихотворение, «Мой гнедой конь» написано от первого лица. Автор использует здесь фольклорные мотивы. Лирический герой обращается к своему коню, называет коня «богатырским», «крылатым другом». Как похоже это обращение на разговор нартов-воинов со своими скакунами. Клинок, отлитый из металла уральской руды, и конь, выращенный на альпийских лугах Кавказа, – атрибуты воина – соединены автором для одной цели – защиты границ Отечества.

М. Урусов одним из первых обращается к историческим и мифологическим темам. До нас дошла одна из легенд карачаево-балкарского фольклора, записанная и переведенная М. Урусовым на русский язык. Эта большая по объему лиро-эпическая песня «Бийнегер» о славном охотнике. Основной мотив – бережное отношение человека к природе и животному миру.

...Но брата он сыскать не мог.  
Он шел домой. Зеленый мох  
Водой сочился под ногами,  
Он шел домой. Широкий лог  
Усеян острыми камнями.

М. Урусов известен и как переводчик на родной язык. Как было ранее сказано, молодой литератор перевел на карачаевский язык «Памятник», «Кавказ», «В Сибирь», «Зимняя дорога», «Конь», «Лавина» и другие стихотворения А.С. Пушкина, а также отрывки романа М. Лермонтова «Герой нашего времени». Махамет Урусов собирал карачаевский фольклор. Будучи научным сотрудником НИИ, он участвовал в экспедициях института по сбору фольклора, встречал-

ся с певцами и сказителями древних аулов, записывал произведения устной народной поэзии. М. Урусов был талантлив, но не суждено было раскрыться до конца его многогранным способностям. Он погиб на фронте в 1942 году совсем молодым, в 26 лет.

Время обуславливало особенности тематики, творческого настроения. Ряд стихотворений сборника «Счастливая молодость» – «Письмо пограничника Заура к Зарият», «Слово матери», «Песня призывника» – Т. Борлаков посвятил теме защиты Отечества. Хотя в них преобладает риторичность, они эмоциональны и самобытны.

Ориентация на громкость и пафосность – общая черта больших и малых литератур этого времени, всего поколения. Структура образа, цепь тканевых единиц в большинстве зависели от идеологических установок общества, развивали эстетические стереотипы. Принятие идеалов нового мира было для них естественным. Многие в это время прошли путь от прямолинейных декламационных стихов до рефлексии сознания, трансформации традиций и поэтического осмысления бытия. Это было характерно для многих северокавказских поэтических систем. Поэзия становится важной частью карачаевской литературы.

Первые карачаевские поэты 20-30-х годов, старшее поколение и молодое заложили основы письменной карачаевской поэзии, выявляли устойчивые конструкции поэтического видения. Их произведения отражают современную им эпоху преобразований в стране, жизнь своего народа.

### 3. Альманахи

Альманах планировалось выпустить к открытию Первого съезда писателей СССР на русском и карачаевском языках. Видимо, из-за недостатка времени на выпуск, планируемый альманах вышел позже, в январе 1936 года<sup>1</sup>, на карачаевском языке. В альманахе были помещены портреты, краткие биографические сведения и произведения авторов. Открывавшийся отрывками из романа Х. Аппаева «Черный сундук», альманах, в целом, был поэтический, кроме Иссы

<sup>1</sup> Альманах. Карачаевская советская литература. Часть первая. – Кисловодск, 1936.

Каракотова и Азрета Уртенова, в альманахе были представлены произведения карачаевских поэтов первого поколения: Д. Байкулова, А. Биджиева, А. Батчаева, Х. Бостанова, А. Боташевой.

В альманахе большое место заняли стихотворения Д. Байкулова (17). Наиболее удачными являются «Микоян-Шахар», «Слово призывника», «Песня горянки». Многие стихи Д. Байкулова («На новом пути», «Без Ленина, по ленинскому пути», «Кирова нет», «Кровавое воскресенье», «Газете» и др.), включенные в альманах, имеют отпечаток календарно-политической поэзии.

В альманахе вошли три стихотворения А.-К. Батчаева: «Завод «Сельмаш», «Красная Армия», «Я начал». Все стихи взяты из газетных публикаций. Язык их прост и понятен, стихи написаны в манере народных песен. В альманахе публикуются стихи Хасана Бостанова: «Новой жизни», «О горах», «Весенняя пора», «Пахарь и кузнец» и другие. В основном, это произведения о природных богатствах горного края, о радости человеческого труда и обновлении жизни. Автор умело пользуется выразительными средствами языка, стих его прост и понятен. Довольно хорошо владеет приемами метрики, строфики и рифмы. В заключительной главе альманаха представлены стихи первой карачаевской поэтессы А. Боташевой (печатавшейся с 1924 года): «Женской молодежи», «Красная Армия», «К 10-й годовщине Октября» и «Дню 8 марта». Наряду с патриотическими мотивами она пишет о проблемах привлечения женщин-горянок к просвещению и общественной жизни, борьбы с пережитками прошлого.

Первый номер альманаха познакомил родного читателя с представителями первого поколения поэтов и писателей. Карачаевские писатели шире понимают свое место, и отсюда появляются общесоюзные темы: о любви к родному краю, к отечеству, желание понять обновление жизни, стремление к дружбе и сотрудничеству с другими народами страны. В альманахе представлено жанровое разнообразие: стихи, песни, поэмы. Интересны переводы из русской классики. Отразив развитие карачаевской поэзии за десять лет (1924-1936 гг.), сборник сыграл большую роль в развитии национальной литературы, объединил вокруг себя лучшие литератур-

ные силы. В целом, «Альманах» свидетельствовал о значительных достижениях в развитии совсем еще молодой карачаевской литературы. Это первые итоги развития литературы.

По всей вероятности, на следующий год был запланирован второй номер этого периодического издания, но, в связи с политическими репрессиями писателей (Х. Аппаев, А. Уртенев, А. Виджиев) и смертью А.-К. Батчаева, обещанная вторая часть (или номер два) не была издана в 1937 году. Выпуск альманаха возобновляется лишь в 1940 году под названием «Карачай»<sup>1</sup>. Портретов и сведений о писателях нет. После выхода первого альманаха в конце 30-х годов с первыми произведениями выступили молодые поэты: Осман Хубиев, Тохтар Борлаков, Махамет Урусов, Х. Байрамукова.

Альманах открывается произведениями народных поэтов К. Кочкарова и И. Семенова. Из авторов, публиковавшихся в первом альманахе, во второй включены только двое – Даут Байкулов и Хасан Бостанов. В альманахе «Карачай» опубликовано шесть стихотворений Даута Байкулова. Среди них два новых стихотворения: «Героям Хасана» и «Испанская девочка». Есть и конъектурное стихотворение «Солнце, которое я знаю». Перу Х. Бостанова принадлежат три вещи: «Наши горы» и стихи для детей «Первое сентября» и «Серый котенок». Далее в альманахе новые имена. Это молодые поэты, вступившие в литературу во второй половине 30-х годов и к 1940 году выпустившие по одной книжке стихов: М. Урусов, О. Хубиев, А.-С. Кочкаров, Т. Борлаков, Х. Байрамукова.

Т. Борлаков посвящал свои стихи оборонной теме: «Письмо пограничника Заура к Зарият», «Песня призывника» и т.д. (сборник «Счастливая молодежь»). Молодому поколению авторов альманаха характерна тема защиты Родины. М. Урусов публикует стихотворения «Гнедой конь» и «Стальной клинок», О. Хубиев – «Советская родина», «Летчики», «Крыло мое в кровавый день», Т. Борлаков – «Песня летчика», «Благословение матери», «Завещание отца», «Гибель Чкалова», Х. Байрамукова – «Моей стране», «Полине Осипенко», «Почетный долг», К. Кубанов – «Песня красноар-

---

<sup>1</sup> Карачай. Альманах поэтов. – Микоян-Шахар, 1940.

мейца», Х. Токов – «Советский корабль», «Танкист». Стихи военной тематики молодых поэтов наполнены большой любовью к Отчизне. Хороши по своей образной структуре пейзажные стихи А.-С. Кочкарова «Начало весны», Х. Байрамуковой «Кубань», «Весенние дни», Б. Байрамукова «Елка», Х. Токова «Ласточка». В альманахе имеется лишь одно лирическое стихотворение А.-С. Кочкарова, обращенное с признанием в любви к адресату «В...», проживающей на Севере, с которой лирический герой в разлуке.

Особое место в альманахе занимает поэма историко-революционной тематики «Темирболат». Автором ее является поэт, один из первых карачаевцев-журналистов, выпускник Ленинградского университета Али-Солтан Кочкаров. Это первая публикация отрывков из поэмы (семь глав). Следует отметить, что, по силе выразительности, реалистичности образов и богатству языка, поэма «Темирболат» – второе крупное полотно в эпическом жанре в стихах после поэмы А. Уртенова «Сафият». В основе произведения лежит конфликт между бедным Темирболатом и сыном старшины-богача, ссора из-за любимой девушки. В альманахе «Карачай» было помещено единственное прозаическое произведение – рассказ М. Дудова «Страна – это я, о мама!». Идея рассказа – изобличение «нетрудовых доходов», трудности колхозного движения. Этот рассказ так и остался незамеченным в читательской среде. Тем более что автор его М. Дудов эмигрирует в Турцию.

Знаменательно, что в альманах были включены произведения трех русских поэтов В. Торопецкого, Г. Орловского и В. Дюкова, живших в Микоян-Шахаре. Раздел их составляет 25 стихотворений на русском языке. Они посвящают свои стихи известным современникам: «Комиссар Серго», «Седовцам», «Случай в Нохкау», «У памятника», «Песня о Микояне», в которых преобладает идейно-политический пафос. Более удачно написаны стихи на военную тематику: «Баллада о погибших дозорных» В. Торопецкого, «Чапаев» и «Соколы» Г. Орловского, «Письмо бойца» В. Дюкова. С любовью к местному краю созданы стихи о Карачае и его природе («Карачай» В. Торопецкого, «Осеннее утро», «Березка» Г. Орловского, «Стихи о Теберде» В. Дюкова), а также есть лирические стихотворения «Песнь о девушках» То-

ропецкого и «Начало любви» Дюкова. Все три поэта в начале Отечественной войны ушли в армию. В. Торопецкий погиб, Г. Орловский и В. Дюков вернулись живыми. Г. Орловский работал после войны председателем Ставропольского радиокомитета, В. Дюков – в ЦК КПСС.

В целом, альманах сыграл положительную роль на путях формирования родной литературы, в сохранении преемственности традиций старшего поколения авторов. Альманах «Карачай» расширил тематику произведений карачаевской литературы, познакомил читателей с новыми поэтами. Этот сборник – итог сложного периода становления литературы. Но самое главное – карачаевская письменная поэзия сформировалась и обрела черты художественности.

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Введение</b> .....	3
<b>ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СТАНОВЛЕНИЕ КАРАЧАЕВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (20-40-е гг.)</b>	
<b>Глава первая. Истоки. Традиции. Связи</b>	
1. Фольклорные истоки .....	11
2. Просветительские традиции. Зарождение русско-карачаевских литературных связей	28
<b>Глава вторая. Поэзия</b>	
1. Народные певцы Карачая К. Кочкаров, А. Джа- нибеков, И. Семенов .....	55
2. Утверждение литературных традиций. И. Ка- ракатов. А. Уртенев. Д. Байкулов. Молодое поколение поэтов. М. Урусов .....	73
3. Альманахи .....	91
Содержание .....	96

Компьютерный набор Л.Р. Чанкаева

Утверждено к печати  
Московским педагогическим государственным университетом

Лицензия № 020457 от 22 июля 1997 г.

Подписано в печать 25.05.2004. Формат 60x84<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 5,58.  
Печать офсетная. Заказ 683. Тираж 300 экз.

Издательство «Прометей» МПГУ  
127278, г. Москва, ул. Кибальчича, 6; Ставрополь: СГПИ.

Федеральное государственное унитарное предприятие  
«Издательско-полиграфическая фирма «Ставрополье»,  
355000, г. Ставрополь, ул. Спартак, 8.